

МАРИ СКАЙ

Зачём же

ЛИЧНОМУ
ДЕЛУ

Мари Скай

Зачет по личному делу

<https://litres.ru/74546304>

Аннотация

ВТОРАЯ ЧАСТЬ КНИГИ

У неё — диплом и строгий костюм, за которыми она прячет неуверенность. У них — деньги, власть и привычка получать всё и сразу. Она пришла в эту элитную академию, чтобы учить их своему предмету, но они решили, что правила пишутся не в учебном плане. Трое дерзких парней, перед которыми никто не мог устоять, видят в ней не преподавателя, а вызов. То, что начиналось как холодная война взглядов в аудитории, перерастает в опасную дуэль. Кто кого? Преподаватель, который пытается сохранить дистанцию, или студенты, привыкшие разрушать любые барьеры? В этой игре нет победителей, потому что на кону не просто репутация, а нечто большее.

Книга пишется в рамках литмоба "Милфа и оболтусы"

Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора! МАРИ СКАЙ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	65
Глава 8	71
Глава 9	77
Глава 10	84
Глава 11	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глава 1

Я никогда не верила в судьбу. Честно. В случайности — да, в забавные или трагические стечения обстоятельств — возможно. В карму, в рок, в то, что где-то там, наверху, в небесной канцелярии, сидит усатый дядька и решает, с кем тебе спать сегодня ночью, а кто разобьёт твоё сердце через год? Чушь собачья. Сказки для тех, кто боится брать ответственность за собственную жизнь.

Я слишком взрослая для таких сказок. Тридцать пять. За плечами — красный диплом, кандидатская диссертация, защищенная в срок, десять лет пыльной, никому не нужной работы в НИИ, развод, похожий на долгую, мучительную агонию, и полное, абсолютное отсутствие иллюзий насчёт мужчин. Они приходят, берут своё (ласку, уют, секс), а когда ресурс исчерпан — уходят, хлопнув дверью или тихо испарившись, оставив после себя только счета за коммуналку и чувство глубочайшего разочарования.

Поэтому, когда мне предложили место в «Гранде» — элитном вузе для детей тех, у кого папа «нефтяной король», а мама «владелица сети отелей», — я ухватила за эту возможность как за спасательный круг. Новая жизнь. Новая страница. Никаких больше пыльных лабораторий, никаких начальников, пускающих слюни на твою грудь. Я буду преподавать. Экономическая теория — моя стихия. Спокойствие,

стабильность, уважение. Идеальная гавань для женщины, которая решила, что бури в личной жизни ей больше не нужны.

Если бы я только знала, что ждёт меня за этой тяжёлой дубовой дверью с латунной табличкой «Кафедра экономической теории». Если бы знала — сбежала бы, не оглядываясь. Но тогда, в то солнечное сентябрьское утро, я лишь поправила воротник белоснежной, накрахмаленной блузки, одёрнула строгую юбку-карандаш (цвета «мышиный хвост», до середины колена), которая, как вдруг предательски показалось, сидела слишком уж обтягивающе, и шагнула в новую жизнь. Высоко, гордо, на каблуках.

Первая лекция. Первый курс. Группа «М-11» (Международная экономика, одиннадцатая по счёту, но для меня эти буквы и цифры станут кодом к катастрофе).

В аудитории № 7 стоял тот особый, ни с чем не сравнимый гул, который бывает только в начале учебного года — шуршание новеньких тетрадей и ноутбуков, приглушённые смешки, щелчки зажигалок (запрещено, но кому какое дело), запах дорогого парфюма, приторной туалетной воды и молодости, молодости, молодости, которая била через край. Я поднялась на кафедру, положила кожаную папку с конспектами, обвела взглядом ряды амфитеатра.

Сорок пар глаз. Сорок. И среди них — трое, которые врезались в мою сетчатку раскалённым тавром.

Они сидели на последнем ряду, в самом тёмном углу. Не вместе с остальными, а как будто за отдельным столиком в

дорогом ресторане, отгороженные невидимой, но осязаемой стеной из денег, власти и полного, абсолютного пренебрежения ко всему происходящему.

Тот, что посередине — тёмные, чуть выующиеся на концах волосы, небрежно уложенные, тяжёлый, прожигающий взгляд исподлобья и ленивая, кривоватая ухмылка. Он даже не делал вид, что слушает или записывает. Он просто смотрел. На меня. Смотрел так, как смотрят на женщину в баре, прикидывая, стоит ли тратить на неё вечер. Или как волк смотрит на забредшую в чащу лань. Я потом узнала его имя — Марк. Марк Северцев. Сын того самого Северцева, чьи портреты не сходят с обложек деловых журналов. Нефть, газ, металл — его империя.

Слева от него — блондин с лицом херувима и прозрачно-голубыми глазами, в которых плескалось что-то тёмное и запретное. Денис. Он улыбался открыто, по-мальчишески, почти застенчиво, но от этой улыбки у меня почему-то сладко и тревожно сжалось внизу живота. Справа — третий. Артём. Квадратная челюсть, спортивные плечи, распирающие тонкий хлопок дорогой футболки, короткая стрижка «ёжиком». Он вообще не смотрел на доску. Он смотрел на мои ноги. Медленно, нагло, профессионально, как оценщик на аукционе, от щиколоток вверх, по икрам, по коленям, туда, где тёмно-серая юбка плотно обтягивала бёдра.

Я судорожно сглотнула, откашлялась, представилась. Голос звучал ровно, сухо, профессионально — голос женщи-

ны, которую не проймёшь. Я даже почти успокоилась, поймав свой привычный ритм.

— Итак, цель нашего курса — не просто заучить определения, но научиться видеть экономические законы в повседневной жизни. Начнём с основ: спрос и предложение...

Я повернулась к доске, чтобы написать свою фамилию и тему. Мела, как назло, не было. Пришлось наклониться, заглянуть в ящик стола, почти касаясь грудью столешницы. Юбка предательски натянулась на ягодицах, и я на секунду замерла, понимая, какую именно картину я сейчас являю собой.

Сзади раздался тихий, но отчётливый, разделяющий воздух свист.

Меня будто кипятком окатило. Я резко выпрямилась, чувствуя, как жар стыда и гнева заливает щёки, шею, декольте. Обернулась. Троица на последнем ряду смотрела на меня с абсолютно невинными, хоровыми лицами. Только Марк чуть приподнял одну бровь, и в глубине его зрачков мелькнуло что-то сыто-хищное. Ему нравилась моя реакция. Он её смаковал.

— Алина Валерьевна, — протянул он, смакуя каждый слог глубоким, прокуренным голосом. — А у вас юбка... очень фактурно обтягивает. Э-э-э... талию. И бёдра. Наверное, жарко в такой? Или это профессиональный дресс-код такой?

По аудитории прокатилась волна хихиканья. Кто-то за-

смеялся громче, кто-то толкнул соседа локтем. Я вцепилась в указку с такой силой, что побелели костяшки, и на секунду мне показалось, что дерево треснет.

— Марк Северцев, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал как сталь, но он всё равно вибрировал. — На моей лекции мы обсуждаем макроэкономические показатели, а не мой гардероб. Будьте любезны, следите за своим языком, если вам дорога ваша посещаемость.

Он усмехнулся уголками губ, но коротко кивнул, принимая вызов. Денис, не поворачивая головы, толкнул его локтем, что-то шепнув. Артём даже не улыбнулся. Он просто перевёл взгляд с моих ног на мои глаза, и в его взгляде не было ни капли стыда или смущения. Только голод. Чистый, не замутнённый ничем, голод.

Я с силой развернулась к доске и начала писать формулы. Сорок пять минут лекции. Сорок пять минут я говорила об эластичности спроса, о кривой Лаффера, о монетаризме. И все сорок пять минут я физически, каждой клеточкой кожи чувствовала их взгляды на себе. Три пары глаз, которые, казалось, материализовались в лучи, прожигающие ткань блузки, растёгивающие пуговицы, стаскивающие юбку. Они раздевали меня медленно, смакуя каждую секунду, каждую деталь.

К концу пары я вся взмокла. Дорогая блузка противно прилипла к спине и подмышкам. Я мечтала только об одном — сбежать в преподавательскую, выпить ледяной воды,

умыться и прийти в себя.

— Лекция окончена, — объявила я, нарочито медленно собирая бумаги в папку, чтобы скрыть дрожь в руках. — Вопросы по теме есть?

Вопросов, разумеется, не было. Студенты, звеня телефонами и переговариваясь, потянулись к выходу. Я уже почти выдохнула, уже позволила себе расслабить плечи, когда перед моим столом, отрезая путь к отступлению, бесшумно выросли три фигуры.

Они подошли как хищники — слаженно и неотвратимо. Марк опёрся руками о край стола, нависая надо мной всей своей массой. С такого близкого расстояния я увидела, какие у него на самом деле тёмные, почти чёрные глаза, без зрачков, и какой жёсткий, волевой изгиб губ. От него пахло дорогим алкоголем, табаком и чем-то древесным, мускусным.

— Алина Валерьевна, — сказал он тихо, почти интимно, заговорщицки. — А мы хотели бы спросить. Консультация, так сказать. По учёбе.

Денис встал справа, заглядывая в мои конспекты, но я видела, что его интересует не текст. Артём остался чуть позади, у меня за спиной, и я буквально затылком чувствовала жар его тела и тяжесть его пристального взгляда.

— Слушаю вас, — ответила я максимально холодно, глядя прямо в глаза Марку. Не отводить взгляд — единственный способ показать, что ты не жертва.

— Скажите, — Марк чуть склонил голову набок, как лю-

бопытный пёс, — а у вас есть правило не встречаться со студентами? Ну, знаете, эти дурацкие этические кодексы? Или это только в американских фильмах про колледжи?

У меня перехватило дыхание.

— Что простите?

— Ну, — он усмехнулся, на этот раз шире, обнажив ровные белые зубы, — просто стало интересно. Потому что мы втроём тут посоветовались и решили, что вы будете нашей. Нашей женщиной. Вопрос лишь в том, как быстро вы это осознаете и примете.

Я буквально поперхнулась воздухом. Такой наглости я не ожидала.

— Марк, вы, кажется, забываете элементарные вещи. Я — ваш преподаватель. Мне тридцать пять лет, а вам...

— Двадцать два, — мягко закончил за меня Денис, и его ангельская, почти невинная улыбка стала вдруг очень взрослой и опасной. — Самый сок, Алина Валерьевна. Мы не старые пердуны, которые не знают, как доставить женщине удовольствие, которые думают только о себе. Мы молодые, полны сил и, знаете... настойчивы.

Он протянул руку и взял со стола мою авторучку. Самый обычный жест. Но его пальцы на секунду накрыли мои, и по руке от кисти до самого плеча пробежал такой разряд, будто меня ударило током. Кожа вспыхнула.

Я отдернула руку, как ошпаренная.

— Вон из аудитории, — сказала я как можно жёстче, но

голос предательски сел. — Немедленно. Или я иду к декану.

Марк медленно выпрямился, засунул руки в карманы своих идеально сидящих брюк и окинул меня взглядом — от корней волос до кончиков туфель. Медленно, смакуя, задерживаясь на груди, на талии, на бёдрах.

— Каблуки, — заметил он будто бы в пустоту. — Красная подошва. «Кристиан Лабутен». Дорогая игрушка. И трусики, судя по тому, как натянулась юбка на попе, — стринги. Алина Валерьевна, а вы носите стринги под свой строгий преподавательский костюм?

— Вон!!! — это был уже не крик, это был визг, полный унижения и животного страха.

Они ушли. Все трое. Но перед тем как тяжёлая дверь аудитории захлопнулась, Артём, тот, который всё время молчал, обернулся и посмотрел на меня в упор. Молча. И в этом взгляде не было ничего, кроме обещания. Тёмного, всепоглощающего, жаркого, от которого у меня подкосились ноги и пришлось схватиться за край стола, чтобы не упасть.

Я рухнула на стул, когда дверь захлопнулась. Сердце колотилось где-то в горле, пульс стучал в висках. Ладони дрожали, а между ног, в самом центре естества, пульсировало что-то липкое и горячее. От страха? От ярости? Или от того, что в самой тёмной, постыдной глубине души мне это понравилось? Понравилось быть объектом такого пристального, хищного, абсолютного желания?

Я запретила себе даже думать об этом. Я взрослая, умная

женщина. Они — мальчишки. Наглые, богатые, избалованные мальчишки, которые привыкли получать всё, что захотят. Но только не меня. Меня они не получают.

Так я думала тогда. Какая же я была наивная.

Дорогие читатели, добро пожаловать в еще одну жаркую историю, которая пишется в рамках литмоба "Милфа и оболтусы"

<https://litnet.com/shrt/amWJ>

Литмоб

Она
запре

Глава 2

Три дня я приходила в себя. Три дня я отрабатывала схему: коридор — преподавательская — аудитория — парковка, нигде не задерживаясь, ни на кого не глядя. Три дня они вели себя как пай-мальчики — сидели на лекциях, даже записывали что-то в конспекты. Но я чувствовала их взгляды. Всегда. Где бы я ни была — в буфете, в туалете, в библиотеке, — я знала, что они где-то рядом и смотрят. Это было похоже на наваждение, на липкую паутину, в которую меня заматывали с каждым днём всё туже.

А в четверг вечером, когда солнце уже село и на парковке горели лишь пару жёлтых фонарей, Марк подошёл ко мне, когда я садилась в свою старенькую, потрёпанную жизнью «Мазду».

— Алина Валерьевна, — сказал он, и в его голосе не было и тени прежней насмешки. Только сталь и спокойная уверенность хозяина жизни. — В субботу у нас вечеринка. У меня дома, за городом. Вся группа будет. Вы придёте?

— Нет, — отрезала я, не оборачиваясь, пытаюсь попасть ключом в замок зажигания. Руки тряслись.

— Я не спрашиваю. Я приглашаю. Это важно.

Я обернулась. Он стоял в двух шагах от меня, в лёгкой чёрной куртке нараспашку, с непокрытой головой, и холодный осенний ветер шевелил его тёмные волосы. Красивый.

До тошноты, до дрожи в коленях красивый. Опасный.

— Марк, послушайте меня очень внимательно, — начала я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и веско. — Я ценю... я понимаю, что вы оказываете мне... внимание. Но я ваш преподаватель. Между нами не может быть ничего, кроме учебного процесса. Это непрофессионально, это аморально, это, в конце концов, против всех правил этого вуза, и вам это известно лучше моего. Я не собираюсь рисковать своей карьерой, своей репутацией из-за...

— Из-за чего? — перебил он, делая шаг вперёд и сокращая расстояние до полуметра. — Из-за секса? Из-за того, что трое здоровых молодых парней хотят тебя так, что готовы убить друг друга за право быть первым? Ты думаешь, нам, Северцевым, Денисовым и Ветровым, есть какое-то дело до ваших дурацких правил? Мы сами устанавливаем правила.

— Мне есть дело до моей жизни и моей работы.

— Боишься? — спросил он прямо. Не насмешливо, а серьёзно.

— Да, — честно ответила я, глядя ему в глаза. — Боюсь.

Он усмехнулся, но не зло, а как-то... понимающе, даже одобрительно.

— Правильно боишься. Умная девочка. Но это ничего не меняет. Потому что мы не отступим. Мы решили. А когда мы, три человека, которые с пелёнок получают всё, что захотят, что-то решаем, то получаем это. Всегда. Так что либо ты приходишь на вечеринку сама, знакомишься с нами побли-

же, либо мы втроём придём к тебе. Выбирай, Алина. Время есть до субботы.

Он развернулся и ушёл, не прощаясь. Я села в машину и уехала, даже не включив фары. Всю дорогу домой меня трясло в ознобе. Я злилась, боялась до икоты, но где-то глубоко внутри, в самом низу живота, разрастался тёплый, липкий, запретный жар. Они хотят меня. Трое. Молодых, красивых, богатых, опасных, как стая волков. Они хотят меня так сильно, что готовы на всё.

В субботу я, конечно, не пошла. Я заперлась в своей хрущёвке, выключила телефон и проплакала полвечера от страха и унижения. А в воскресенье, в десять вечера, они приехали сами.

Я живу в старой панельной пятиэтажке на окраине. Ремонт ещё от родителей, скрипучий советский диван с панцирной сеткой, выцветшие обои в ромбик. Не место для приёма студентов, тем более таких, как эти.

В дверь позвонили резко, требовательно, три раза подряд. Я думала, соседи снизу заливают, или пьяный сантехник. Открыла, даже не глянув в глазок.

На пороге стояли трое.

— Здравствуй, Алина, — сказал Марк просто, будто мы были сто лет знакомы, без отчества, без «вы». — А мы соскучились.

Я попыталась захлопнуть дверь, но Денис, блондин, молниеносным движением поставил ногу в проём, заблокировав

её. Он улыбался всё той же ангельской улыбкой.

— Не надо, Алина Валерьевна, — мягко, вкрадчиво сказал он. — Мы же только поговорить. Обещаем. Честное слово. Просто поговорим.

— Убирайтесь немедленно, или я вызываю полицию! — прошипела я, вцепившись в дверь.

— Вызывай, — пожал плечами Марк, спокойно, как к себе домой, перешагивая порог и проходя в коридор. Артём и Денис зашли следом, и Денис, не оборачиваясь, захлопнул дверь у меня за спиной. — Позвони, Алина. Скажешь, что трое студентов-первокурсников вломились к преподавательнице в воскресенье вечером. И что дальше? Сама подумай, кому поверят? Нам, детям людей, которые этот город строят, или тебе, одинокой разведёнке с хрущёвки?

Я отступила в глубь коридора, вжалась спиной в холодную стену. Они стояли напротив, заполнив собой всё крошечное пространство прихожей. Трое высоких, сильных, пахнущих улицей, морозцем и дорогим парфюмом парней.

— Чего вы хотите? — спросила я, и голос предательски дрогнул, сорвался на шепот.

Марк шагнул ко мне. Один шаг, второй, третий. Теперь он стоял так близко, что я чувствовала жар его тела сквозь тонкий шёлк халата, и запах его парфюма — дорогого, терпкого, древесного, с нотками бергамота и табака — заполнил мои лёгкие.

— Я же сказал ещё в четверг, — ответил он тихо, почти

ласково. — Тебя. Мы хотим тебя. Всю. Прямо здесь и сейчас.

Он медленно, очень медленно, давая мне возможность отшатнуться, но я не могла, протянул руку и коснулся моего лица. Провёл подушечками пальцев по скуле, по щеке, по губам — сухим, горячим, дрожащим. Я замерла, не в силах пошевелиться. Тело не слушалось команд мозга. Оно горело, плавилось под его прикосновением.

— Марк... — выдохнула я, и это прозвучало не как протест, а как мольба.

— Тсс, — он приложил палец к моим губам, слегка надавливая. — Молчи. Не говори ничего. Просто чувствуй.

Сзади бесшумно подошёл Денис. Я почувствовала его горячее дыхание на своей шее, за ухом. Его руки легли мне на талию поверх шёлка, медленно, успокаивающе скользнули вниз, по бёдрам, и крепко, собственнически сжали ягодицы сквозь тонкую ткань.

— Какая же ты мягкая, — прошептал Денис мне в ухо, и его голос вибрировал, разнося мурашки по всему телу. — Боже, Алина, я представлял это каждую ночь. Как ты пахнешь, какая ты на ощупь.

Артём стоял чуть поодаль, прислонившись плечом к косяку, и просто наблюдал. Но его глаза горели таким тёмным, неконтролируемым огнём, что от этого взгляда у меня внутри всё сжималось в тугой, болезненно-сладкий узел.

Марк наклонился и поцеловал меня. Медленно, нежно, почти робко. Совсем не так, как я ожидала от этого наглого,

самоуверенного мальчишки. Его губы были тёплыми, мягкими, требовательными, и от этого поцелуя у меня окончательно подогнулись колени. Я вцепилась руками в его куртку, чтобы не упасть.

Я не должна была. Я знала, что не должна, что это катастрофа, что это конец. Но когда Денис ловко развязал пояс моего халата и тяжёлый шёлк скользнул вниз, к ногам, оставляя меня в одном белье, я не остановила его. Когда руки Марка легли мне на грудь, а его большой палец нашёл твёрдый, набухший сосок под тонким кружевом, я не просто позволила — я выгнулась ему навстречу, запрокинув голову и застонав.

Они подхватили меня под руки и понесли в комнату. Я не помню, как мы преодолели эти несколько метров. Помню только, что вдруг оказалась лежащей на своей скрипучей, продавленной кровати, а надо мной нависали трое, заполняя собой всё пространство, весь воздух, все мои мысли. Марк, не спрашивая, стягивал с меня трусики, тонкую полоску кружева. Денис расстёгивал свою рубашку, не сводя с меня голодных глаз. Артём уже стоял голый по пояс, и его торс был идеален до одури — рельефный пресс, широкие плечи, дорожка тёмных волос, уходящая вниз, за ремень джинсов.

— Смотри на нас, — приказал Марк, разводя мои ноги в стороны и вставая между ними. — Смотри, Алина, смотри, как мы хотим тебя. Это твоя победа. Ты свела нас с ума.

Я смотрела. Я видела, как напряжены их члены под тка-

нюю брюк и джинсов. Я видела не просто похоть, а настоящий голод в их глазах. И вместо последнего страха пришло возбуждение — дикое, всепоглощающее, животное, вымывающее все мысли, все принципы, всю мою взрослую, правильную жизнь.

Марк лёг сверху, нависнув надо мной. Он вошёл сразу, резко, без предисловий, одним сильным, глубоким толчком. Я вскрикнула, вцепившись ногтями ему в спину — от неожиданности, от полноты ощущений, от того, как идеально он заполнил меня. Он был твёрдым, горячим, как расплавленный металл, идеальным.

— Господи, — прохрипел он, начиная двигаться — мощно, ритмично, глубоко. — Какая же ты узкая... Господи, какая же ты сладкая, Алина... Ты наша. Слышишь? Только наша.

Денис встал рядом с кроватью, взял мою безвольную руку и положил себе на ширинку, прямо на бугор выпирающей плоти.

— Помоги мне, — попросил он хрипло, умоляюще. — Пожалуйста, Алина. Я больше не могу.

Я растегнула пуговицу, стянула молнию зубами. Его член выскочил наружу — большой, с влажной, блестящей головкой, набухший до предела. Я обхватила его пальцами, сначала робко, потом смелее, начала гладить, сжимать, водить вверх-вниз. Денис застонал, откинув голову, вцепившись рукой мне в волосы.

Артём подошёл с другой стороны. Он молча взял мою голову в свои большие, тёплые ладони и поднёс свой член к моим губам. От него пахло морем, потом и возбуждением.

— Открой рот, — сказал он тихо, но властно. Это были первые слова, которые я услышала от него за весь этот долгий, безумный вечер.

Я открыла.

Дальше всё смешалось в единый, непрерывный, пульсирующий поток ощущений. Марк трахал меня снизу, вбиваясь так глубоко и сильно, что, казалось, достаёт до самого горла, заполняя меня всю без остатка. Денис кончил мне в руку, с громким стоном, но тут же заменил свою плоть ртом, жадно вылизывая мои пальцы, перепачканные его спермой. Артём держал меня за волосы, задавая ритм, двигаясь в моём рте, и я чувствовала солоновато-горьковатый вкус его смазки на языке, чувствовала, как он напрягается всем телом, сдерживая себя.

Первый оргазм накрыл меня внезапно, как цунами. Я забилась в конвульсиях, закричала в голос, не стесняясь, не думая о соседях, выгибаясь дугой навстречу Марку, впиваясь зубами в подушку. Марк зарычал, как зверь, и кончил глубоко внутрь меня, горячими, мощными толчками.

Но они не остановились. Это было только начало.

— Теперь моя очередь, — услышала я сквозь пелену голос Дениса, и меня перевернули на живот, подмывая под себя.

Я почувствовала, как его член входит сзади, в другой, не

изведанный мной ранее предел. Глубже, если это вообще возможно. Одновременно Артём лёг под меня, приподняв мою голову, и я снова взяла его в рот. Мы двигались в едином, бешеном ритме — я, как кукла, как игрушка, как центр вселенной, но самая счастливая игрушка на свете.

В ту ночь они брали меня снова и снова. В душной, пропахшей сексом спальне, на скрипучей кровати, потом на продавленном стуле, потом у стены в коридоре, прижав к холодным обоям, потом на кухне, прижав к гудящему холодильнику. Я потеряла счёт оргазмам, их было столько, что тело превратилось в один сплошной оголённый нерв, пульсирующий наслаждением. Я потеряла счёт времени — ночь тянулась бесконечно и пролетела как одно мгновение. Я потеряла себя — ту прежнюю, правильную Алину Валерьевну, кандидата наук, и нашла какую-то новую, дикую, ненасытную самку.

А под утро, когда первые лучи солнца пробились сквозь пыльные занавески, мы лежали втроём (Артём куда-то вышел) на моей узкой кровати, вперемишку руками и ногами, мокрые от пота, обессиленные, счастливые. Марк поцеловал меня в плечо, провёл языком по солёной коже и сказал:

— Теперь ты наша, Алина. И никто, слышишь, никто и никогда не отнимет тебя у нас.

Я не ответила. Я просто закрыла глаза и провалилась в глубокий, пустой сон без сновидений, чувствуя, как по внутренней стороне бедра медленно стекает их горячая сперма,

смешиваясь с моей влагой.

Утром я проснулась одна. В квартире пахло чужими телами, сексом и пепельницей. На тумбочке лежала скомканная записка, нацарапанная на листке из моей же тетради: «Жди нас вечером. Мы придём. И это только начало, детка».

Я скомкала бумагу в кулаке и разрыдалась. Стыд, сладкий, вязкий, как патока, смешивался с счастьем, ледяной страх — с горячим предвкушением. Я ненавидела себя за то, что позволила это сделать. И обожала себя за то, что это случилось.

Потому что в глубине души, там, где прячутся самые тёмные тайны, я знала — они вернутся. И я уже не представляла, как жить дальше, если они не вернутся. Это был мой первый, самый страшный и самый сладкий урок. Урок номер один: никогда не думай, что ты контролируешь ситуацию, когда трое молодых хищников решили сделать тебя своей добычей. А впереди был целый семестр. Целый год учёбы. Целая новая, неизведанная жизнь. И я поняла вдруг, что готова гореть в этом огне, даже если он сожжёт меня дотла.

Училка перевоспитаем тебя

Мэри Ли

<https://litnet.com/shrt/q7KC>

перевоспитаем тебя

УЧИЛКА

Глава 3

Я проснулась от того, что солнце светило прямо в глаза. Яркое, сентябрьское, беспощадное — оно било наотмашь, даже сквозь сомкнутые веки прожигало в мозгу кровавые пятна. Я зажмурилась сильнее и перевернулась на другой бок, пытаясь спрятаться в спасительную тень подушки, но было поздно — сон слетел окончательно, оставив после себя липкое, тягучее послевкусие.

В комнате было золото. Абсолютное, всепроникающее золото ранней осени. Оно заливало каждый сантиметр моей скрипучей хрущевки, и в этом беспощадном свете убожество обстановки проступало с фотографической четкостью: облупившийся подоконник, выцветшие обои в мельчайших трещинках, дешевый пластик оконных рам, пожелтевший от времени. Солнечные лучи скользнули по скомканным простыням, по сбившемуся на пол одеялу, по пустой бутылке воды на тумбочке, высветили каждую пылинку в воздухе.

И запах. Господи, этот проклятый, въедливый запах, который, казалось, пропитал каждую клеточку моего тела, впитался в подушку, в матрас, в стены. Запах мужчин. Трех разных мужчин. Терпкий, мускусный, солоноватый коктейль из пота, спермы и чего-то дикого, звериного, что висело в воздухе тяжелым, почти осязаемым облаком. Запах троих самцов, которые этой ночью разобрали меня на атомы, а потом

собрали заново — чужую, незнакомую, пугающую.

Я села на кровати рывком, и комната поплыла перед глазами. Голова пошла кругом, но не с похмелья — я не пила ни капли спиртного вот уже месяц. Голова закружилась от воспоминаний. Они обрушились на меня ледяной лавиной, без предупреждения, и низ живота тут же отозвался на эту лавину сладкой, ноющей, пульсирующей болью, от которой перехватило дыхание.

Его член во мне. Его пальцы. Его язык. Трое. Одновременно. Боже мой.

Я зажмурилась так сильно, что под веками заплясали разноцветные искры, пытаюсь отогнать навязчивые картинки, но они становились только ярче, только отчетливее, только непристойнее. Как Марк раздвигал мои ноги, глядя прямо в глаза своим невозможным, гипнотическим взглядом, от которого внутри все плавилось. Как Денис тихо, почти пощечьями скулил от удовольствия, когда я гладила его там, изучая руками его молодое, горячее тело. Как молчаливый Артём, не проронив ни слова, трахал мой рот, сжимая мои волосы у самых корней так, что кожа головы горела огнем, а из глаз брызгали слезы.

Я кончила. Прямо сейчас, сидя на своей неубранной кровати, голая, растрепанная, только от одних этих мыслей. Судорога прошла по телу — от пяток до макушки, выгибая позвоночник, сжимая живот в тугий узел, — и я закусила костяшки пальцев, чтобы не застонать в голос. Слишком гром-

ко. Слишком пошло. Слишком откровенно даже для пустой квартиры.

— Твою мать, Алина, — прошептала я вслух, и голос прозвучал хрипло, сипло, будто я всю ночь кричала. — Твою мать, во что же ты вляпалась?

На тумбочке, рядом с пустой бутылкой, лежала записка. Я протянула руку — пальцы дрожали, — развернула мятую бумажку. Почерк был мужской, резкий, летящий, с сильным нажимом, так что на обратной стороне проступили выпуклые бороздки.

«Жди нас вечером. Мы придём. И это только начало».

Марк, наверное. Он всегда писал так — уверенно, без права на возражения. Или Денис? У Дениса почерк был круглее. А может, Артём? Я уже ничего не соображала. Буквы плыли перед глазами, сливаясь в одну пульсирующую строку. «Только начало». Что это значит? Что может быть больше, чем прошлая ночь? Больше, чем трое сразу?

Я встала и, пошатываясь, побрела в душ. Вода обжигала, но я специально сделала ее почти кипятком, чтобы смыть с себя этот запах, чтобы продезинфицировать кожу, чтобы наказать себя за то, что позволила. Мыло щедро пенилось в моих руках, я терла себя жесткой мочалкой до кирпично-красных пятен, до боли, до жжения, но запах оставался. Он был уже не снаружи. Он въелся в меня изнутри. Он был у меня в крови.

Я выключила воду и замерла, не выходя из душа. Запотев-

шее зеркало на стене постепенно прояснялось, и из него на меня смотрела женщина, которую я отказывалась узнавать. Растрепанные, мокрые, темные волосы прилипли к вискам и шее. Губы — припухшие, чуть прикушенная нижняя, с заметной краснотой, будто их целовали часами без перерыва. Темные, почти синие круги под глазами — следы бессонной ночи. И эти глаза... Они горели. Они сияли диким, голодным блеском. В них не было ни грамма того стыда, который я отчаянно пыталась в себе разжечь. В них был чистый, первобытный, ненасытный голод.

Я медленно прикоснулась к своей шее, провела пальцами по коже. Там темнели засосы — три штуки, один другого ярче. Марк старался, всасывал кожу так, будто хотел оставить на мне клеймо навсегда. Дотронулась до груди — соски, стертые языками за ночь, ныли даже от легкого прикосновения, мгновенно сжимаясь в твердые горошины. Спустилась рукой ниже, между ног, и поморщилась. Там все болело. Саднило. Но это была удивительно приятная боль. Боль-напоминание. Каждое движение отдавалось внутри слабым эхом их толчков, и я ловила себя на том, что мне хочется, чтобы эта боль не проходила как можно дольше.

Я закрыла лицо мокрыми ладонями и засмеялась. Истерично, на грани срыва, всхлипывая и давясь смехом одновременно.

Мне тридцать пять. У меня кандидатская диссертация по макроэкономике, бывший муж-импотент, с которым мы де-

сять лет занимались тоскливым, пресным сексом строго по расписанию по субботам. А вчера трое девятнадцатилетних мальчишек, моих студентов, выебли меня так, что я до сих пор хожу и чувствую их внутри, как наяву.

Что со мной не так?

Ответа не было. Или был, но я отчаянно боялась признавать его вслух даже самой себе.

В университет я приехала на целый час раньше первой лекции. Надеялась, что успею прийти в себя, выпить три чашки кофе в преподавательской, спрятаться за кипами методичек. Но стоило мне войти в холл, переступить порог проходной, как я увидела их.

Они сидели на широком подоконнике у самого входа. Втроем. Как три стража у врат ада. Марк лениво листал что-то в телефоне, Денис запрокинув голову смеялся над шуткой, которую только что сказал Артём, Артём жевал зеленое яблоко, откусывая крупные куски и глядя в пространство перед собой.

Их взгляды одновременно, как по команде, уперлись в меня, едва я переступила порог.

Марк мгновенно отложил телефон в сторону. Его губы медленно, очень медленно, растянулись в хищной, сытой улыбке. Денис присвистнул — тихо, но в тишине холла этот свист прозвучал оглушительно. Артём просто смотрел. Не отрываясь. Жевал и смотрел на меня в упор так, что у меня

в буквальном смысле подкосились ноги.

Я отвела взгляд первой, резко дернула головой в сторону и быстрым шагом, почти бегом, направилась к лестнице, ведущей на второй этаж, где была преподавательская. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать, ладони мгновенно вспотели. Только не бежать, твердила я себе, только не показывать слабость. Иди спокойно. Ты преподаватель. Ты здесь главная.

Я почти дошла до двери, уже протянула руку к ручке, когда меня догнали.

— Алина Валерьевна!

Голос Марка разрезал тишину коридора, как нож. Громкий, уверенный, насмешливый. Я замерла на месте, но не обернулась. Вцепилась в холодную металлическую ручку двери.

— Алина Валерьевна, вы сегодня так рано, — продолжил он, и я слышала его шаги за спиной, совсем близко. — Не выспались? Вид у вас... замученный какой-то.

Я обернулась. Он стоял в метре от меня, засунув руки в карманы своих потертых джинсов. Денис и Артём чуть поодаль, но так, чтобы перекрыть мне путь к отступлению, если я вдруг решу рвануть назад.

— Марк, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал максимально ровно, железобетонно. — Не на территории университета. И не при посторонних. При коллегах.

Он удивленно поднял брови, изображая искреннее недо-

умение.

— А что, здесь нельзя пожелать преподавателю доброго утра? Мы же вежливые студенты. Приличные мальчики.

Денис хмыкнул, прикрывая рот кулаком. Артём даже не улыбнулся. Он смотрел на меня все так же — тяжело, не мигая.

— Вы свое пожелали, — отрезала я. — Идите на пары. До звонка пятнадцать минут.

Я дернула ручку, открыла дверь и нырнула внутрь преподавательской, захлопнув ее прямо перед их наглыми, улыбающимися лицами. Прислонилась спиной к двери, закрыла глаза. Сердце выпрыгивало из груди, ноги дрожали.

В комнате было пусто. Только Лариса Петровна с соседней кафедры статистики пила чай у окна, задумчиво глядя на улицу.

— Алиночка, а вы красная как рак, — заметила она, обернувшись на звук. — Здоровье в порядке? Давление? Осень, знаете ли, все скачет.

— Да, спасибо, Лариса Петровна, все хорошо, — выдавила я из себя улыбку. — Просто... жарко очень. На улице солнце.

Я рухнула на первый попавшийся стул и уставилась в одну точку на стене. Мне нужно было провести две пары подряд. Два часа стоять перед ними, смотреть на них, делать вид, что ничего не было. Два часа чувствовать на себе их взгляды, читать в них их желание, ощущать их власть надо мной.

Я справлюсь. Я просто обязана справиться.

Двойная проблема Кунициной

Катя Куница

<https://litnet.com/shrt/X7al>

Катя
КУНИЦА

Двойная
ПРОБЛЕМА
Кунцовой

МОЛОДЕЖНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Глава 4

Лекция была по макроэкономике, раздел денежного обращения. Самая сухая, самая скучная тема во всем курсе — «Теория денег и инфляция». Я надеялась, что они уснут, уткнутся в телефоны, начнут переписываться или листать ленту.

Не тут-то было.

Они сидели на первом ряду. Впервые за весь семестр. Марк посередине, Денис слева от него, Артём справа. И все трое, как по команде, смотрели на меня. Не отрываясь. Не моргая. Не шевелясь.

Я пыталась говорить, смотрела в конспект, на доску, в окно, на дальнюю стену — куда угодно, лишь бы не на них. Но их взгляды, словно лазеры, жгли мою кожу даже сквозь одежду. Я физически чувствовала, как краснеют щеки, как под блузкой выступает липкий пот, как под тканью твердеют соски, предательски натягивая кружево бюстгалтера.

Я надела сегодня самую закрытую блузку, какая у меня была — с глухим воротом под горло, с длинным рукавом. Длинную юбку в пол, почти монашескую. Закрытые лодочки на низком каблуке. Но под их раздевающими взглядами я чувствовала себя абсолютно голой. Более голой, чем прошлой ночью.

— Денежная масса... э-э-э... включает в себя... — я запну-

лась на полуслове, потому что Марк вдруг наклонился к Денису и что-то шепнул ему на ухо, прикрывая рот ладонью. Тень усмешки скользнула по лицу Дениса. Артём же, не меняя выражения лица, перевел свой тяжелый взгляд с моих глаз на мои губы и задержался на них.

— Алина Валерьевна, — раздался голос Марка, перебивающий меня на полуслове. Громко, на всю аудиторию. — А можно вопрос?

Я вздрогнула, но взяла себя в руки. Сжала указку так, что побелели костяшки.

— Можно, Марк. Слушаю.

Он смотрел на меня с абсолютно невинным, даже наивным выражением лица. Но я поняла. Мгновенно, сердцем, печенкой, каждой клеточкой поняла этот скрытый смысл.

— Скажите, а инфляция влияет на... ликвидность активов? Вот, допустим, у человека есть активы. Они становятся более ликвидными? Или наоборот?

Ликвидность. Активы. Он спрашивал не об экономике. Он спрашивал, готова ли я снова быть для них «ликвидной». Доступной. Открытой. Готовой к использованию.

— Инфляция влияет на все экономические процессы, Марк, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо и не дрожал. — И на активы, и на обязательства. В особенности — на краткосрочные.

— А у нас с вами отношения, получается, краткосрочные? — уточнил он, и в глазах его заплясали чертики.

В аудитории повисла звенящая тишина. Кто-то на задних рядах захихикал, кто-то зашептался, зашуршал тетрадами. Я побледнела так, что, наверное, стала белее мела.

— Марк, останьтесь после лекции, — сказала я ледяным, металлическим тоном, каким обычно отчитывала самых злостных прогульщиков.

— С удовольствием, — он даже не пытался скрыть торжествующую улыбку.

Остальные сорок минут лекции я вела как в густом, вязком тумане. Автоматически открывала рот и произносила слова, автоматически писала мелом формулы на доске, отвечала на вопросы с мест. Но краем глаза, боковым зрением я все время видела их. Эту троицу на первом ряду, которая даже не делала вид, что слушает предмет. Они смотрели только на меня. Изучали каждое мое движение. Раздевали взглядами. Пробовали на вкус.

Когда прозвенел звонок — оглушительно, резко, — студенты зашевелились, засобирались, потянулись к выходу. Я медленно, нарочито спокойно собирала свои бумаги, раскладывала по папкам, надеясь, что они уйдут вместе со всеми. Но они не ушли. Они стояли у моего стола полукругом и терпеливо ждали.

— Закрой дверь, — бросил Марк Артёму коротко, не оборачиваясь.

Тот молча, своей бесшумной кошачьей походкой подошел к двери, выглянул в коридор и щелкнул замком. Повернул

ключ.

Я вскочила со стула, как ужаленная.

— Вы с ума сошли?! Нас же могут увидеть! Сейчас перемена, здесь ходят люди!

— Не увидят, — Марк шагнул ко мне вплотную, сокращая расстояние до нуля. — У всех перерыв, все побежали в буфет. Сюда никто не придет минимум пятнадцать минут.

Он взял меня за подбородок — жестко, уверенно, заставляя поднять голову и смотреть прямо в его наглые, красивые глаза.

— Ты избегаешь нас, Алина. Это неправильно.

— Отпусти, — прошептала я, пытаюсь вырваться, но рука его была как тиски.

— Не отпущу. Мы же договорились. Ты теперь наша.

— Я ни на что не соглашалась! Ничего не подписывала!

— Твое тело согласилось за тебя, — усмехнулся он, и усмешка эта была страшнее любого крика. — Оно кричало от счастья прошлой ночью. Или ты уже забыла, как кончала? Три раза подряд? А, Алина? Забыла, как орала на всю квартиру?

Я вспыхнула. Закраснелась с головы до ног. Вспомнила. До мельчайших подробностей вспомнила. И между ног снова запульсировало, заныло, заныло сладкой, томительной болью.

— Замолчи, — попросила я жалко, почти беззвучно.

— Не хочу молчать. Хочу, чтобы ты вспомнила, как это

было. И захотела снова. Прямо здесь. Прямо сейчас.

Он наклонился и поцеловал меня. Жестко, властно, собственнически, проникая языком глубоко в рот, не спрашивая разрешения. Я пыталась оттолкнуть его, уперлась ладонями ему в грудь, но руки словно стали ватными, бессильными. Я вцепилась в его плечи — только чтобы не упасть, потому что ноги перестали держать.

Сзади бесшумно подошел Денис. Я почувствовала его горячее дыхание на своей шее, а потом его руки легли мне на талию, скользнули вниз, сжали ягодицы, проникая пальцами глубоко в мягкую плоть даже сквозь плотную ткань юбки.

— Какая же ты вкусная, — прошептал он мне в ухо, целуя мочку, шею, спускаясь ниже к ключицам. — Мы всю ночь не спали, тебя вспоминали. Я лично дробил три раза, представляя твой рот. Как ты сосешь. Как смотришь снизу вверх.

Я застонала — глухо, сдавленно — прямо в губы Марка. Низ живота свело сладкой, мощной судорогой. Труссы мгновенно промокли насквозь.

Артём стоял у двери, прислонившись плечом к косяку, и просто наблюдал. Но я боковым зрением видела, как напряглась ширина его джинсов, как вздулась ткань, готовая лопнуть.

Марк оторвался от моих губ, тяжело дыша, глаза его горели темным огнем.

— Раздевайся, — приказал он. Это был не вопрос. Это

был приказ.

— Что? Здесь? — я дико оглянулась на дверь, за которой слышались голоса, шаги, смех проходящих мимо студентов.
— С ума сошел? Здесь же...

— Здесь, — перебил он. — Сейчас. Я хочу видеть тебя голой на этом столе. На том самом, где ты учила нас этой долбаной экономике. Хочу трахнуть тебя там, где ты пишешь свои дурацкие формулы.

— Марк, нет, прошу тебя...

— Да, — перебил Денис, разворачивая меня к себе за плечи. — Да, Алина. Мы все трое хотим тебя. Прямо сейчас. Здесь. Не заставляй нас ждать. Не ломайся, ты же сама хочешь не меньше нашего.

Он начал расстегивать мою блузку. Медленно, мучительно медленно, пуговица за пуговицей. Я стояла, как парализованная, не в силах пошевелиться, не в силах даже закричать. Часть меня — разумная, правильная, та, что ходила на кафедральные собрания, — кричала: «Остановись! Немедленно остановись!». Другая часть меня — та дикая, ненасытная тварь, что проснулась прошлой ночью, — хотела этого больше всего на свете. Больше воздуха. Больше жизни.

Блузка упала на пыльный пол. Денис ловко расстегнул лифчик одним движением, и моя грудь вывалилась наружу, тяжелая, налитая. Воздух прокуренной аудитории коснулся сосков, и они мгновенно сжались в твердые, болезненно чув-

ствительные горошины.

— Красивая, — выдохнул Денис, глядя на меня с благоговением. — Господи, какая же ты красивая. Я вчера не мог насмотреться. И сегодня не могу.

Он наклонился и взял сосок в рот. Горячий, влажный, его язык творил чудеса — обводил по кругу, дразнил кончиком, посасывал, пощипывал. Я застонала в голос, запрокинув голову, вцепившись руками в его волосы. Марк тем временем стащил с меня юбку вместе с колготками, рванул вниз, не заботясь о целостности ткани.

Я осталась в одних трусах. Тонких, кружевных, абсолютно мокрых насквозь.

— Сними их сама, — приказал Марк, отступая на шаг, чтобы полюбоваться зрелищем.

Я посмотрела на него сквозь пелену желания. В его глазах горел тот самый темный огонь, от которого у меня плавились кости. Я медленно, глядя ему прямо в глаза, засунула большие пальцы под резинку, спустила трусы по ногам до щиколоток и перешагнула через них, оставшись полностью обнаженной посреди кабинета макроэкономики.

— Ложись на стол, — кивнул он на мой собственный преподавательский стол, заваленный конспектами, методичками, журналами.

— Там же бумаги, мои лекции...

— К черту бумаги.

Марк шагнул к столу и одним широким, размашистым

движением смахнул все на пол. Листы, папки, книги — все полетело вниз, разлетаясь по всему кабинету белыми птицами. Мне было уже абсолютно все равно. Я, как загипнотизированная, подошла к столу и легла на прохладную деревянную поверхность спиной. Почувствовала спиной царапины от забытой ручки, почувствовала жесткость стыков фанеры, но это только заводило, только добавляло остроты моменту.

— Раздвинь ноги, — приказал Марк.

Я раздвинула. Широко, не стесняясь, без тени смущения. Легла перед тремя молодыми самцами полностью раскрытая, влажная, готовая к любому действию, к любому проникновению, к любой степени унижения.

— Смотрите, — Марк обратился к Денису и Артёму, но сам не отрывал горящего взгляда от моего лона. — Видите, как она течет? Видите? Это все для нас. Наша киска. Для нас течет.

Он медленно провел пальцем по моим половым губам, собирая прозрачную, тягучую влагу, и поднес мокрый палец к моим губам.

— Попробуй себя. Какая ты на вкус.

Я послушно, глядя на него снизу вверх, открыла рот и облизала его палец. Солоноватый, терпкий, пряный вкус возбуждения. Мой собственный вкус. Вкус женщины, которую хотят.

— Умница, — похвалил Марк, и в голосе его послышалась гордость дрессировщика. — Хорошая девочка. А теперь

смотри внимательно, что мы с тобой сделаем.

Он расстегнул джинсы, спустил их вместе с боксерами. Его член выскочил наружу — огромный, твердый до предела, с влажной, блестящей головкой, набухшими венами. Я закусил губу, глядя на это. Во рту мгновенно пересохло.

Денис встал у моей головы, у самого края стола. Я повернула голову и увидела его член вплотную к своему лицу — такой же напряженный, готовый, с капелькой смазки на головке.

— Открой рот, — попросил Денис мягко, почти нежно, поглаживая меня по щеке.

Я послушно открыла рот. Он вошел сразу — глубоко, одним плавным движением, почти до самого горла. Я закашлялась, задохнулась, но он не вышел, только замер на секунду внутри, давая привыкнуть к размерам, к заполненности.

Тур на троих

Дарья Круглова

<https://litnet.com/shrt/Hj6d>

ДАРЬЯ
Крулева

ТУР НА ТРОИХ

Глава 5

Марк тем временем наклонился к моему лону. Я почувствовала его горячее дыхание на самой чувствительной коже, а потом — его язык. Горячий, властный, неутомимый, он ворвался в меня, раздвигая складки, вылизывая каждый миллиметр, дразня, доводя до иступления, до безумия.

Я закричала — насколько позволял рот, занятый членом Дениса. Это было слишком. Слишком много ощущений одновременно. Слишком много для моего изголодавшегося тела. Язык Марка внутри меня, вылизывающий, проникающий, ласкающий клитор, член Дениса во рту, заполняющий горло, и где-то на дальнем плане сознания — тяжелый, неподвижный взгляд Артёма, который не участвовал, но смотрел так, будто уже трахал меня мысленно, жестко и глубоко.

Марк работал языком как поршнем — ритмично, сильно, глубоко. Он входил в меня, выходил почти полностью, обводил клитор по кругу, снова входил. Я чувствовала, как приближается оргазм — мощный, неизбежный, как напряжение скручивается в тугой, болезненно сладкий узел в самой глубине живота, как сводит мышцы.

— Не смей кончать, — услышала я сквозь вату в ушах приказ Марка, когда он на секунду оторвался от меня, чтобы перевести дух. — Слышишь меня, Алина? Не смей кончать, пока я не разрешу. Терпи.

Я захныкала, замычала, сжимая бедра, пытаюсь сдержать нарастающую волну. Денис вышел из моего рта, давая мне отдышаться, и я жадно глотнула воздух, глотая слюну и его вкус.

— Повернись, — коротко скомандовал Марк. — На живот.

Я перевернулась, едва не свалившись с узкого стола. Щекой прижалась к холодной, твердой поверхности стола, задней выгнулась максимально вверх, в самой покорной, самой открытой позе. Самая унижительная поза. И самая желанная.

Я почувствовала, как головка члена Марка упирается в мой влажный, готовый вход. Он не спешил входить. Медленно, мучительно медленно он водил головкой по моим половым губам, раздвигал их, дразнил, касался клитора, снова отводил, заставляя меня извиваться от нетерпения, сжимать руками край стола.

— Прошу, — выдохнула я хрипло, уткнувшись лбом в столешницу. — Пожалуйста, Марк.

— Что «пожалуйста»? — усмехнулся он, продолжая свою пытку. — Чего ты просишь?

— Войди в меня. Трахай меня. Пожалуйста! Сильнее!

— Хорошая девочка, — одобрительно выдохнул он. — Умница.

И вошел. Одним резким, глубоким, сокрушительным толчком, до самого упора, до самого основания. Я закрича-

ла в голос, не сдерживаясь, вцепившись ногтями в край стола. Он был во мне. Он заполнял меня целиком, без остатка. Каждый нерв, каждый миллиметр моего тела кричал от этого заполнения.

Марк начал двигаться. Жестко, быстро, глубоко, вколачиваясь в меня снова и снова. Каждый его толчок отдавался во мне взрывом, молнией, прошивающей позвоночник. Стол жалобно скрипел и ходил ходуном, разбросанные бумаги шуршали под моим весом, но мне было абсолютно плевать. В мире больше ничего не существовало — только член Марка, его ритм, его власть.

— Смотрите, как она течет, — обратился Марк к остальным, не сбавляя темпа. — Смотрите, как моя киска принимает меня. Как сжимает. Какая она горячая внутри.

Денис подошел ближе, встал сбоку от стола, и я увидела его член в нескольких сантиметрах от своего лица. Все еще мокрый, все еще твердый. Я сама, не дожидаясь приказа, повернула голову и потянулась к нему губами.

— Умница, — выдохнул Денис, беря меня за затылок и направляя. — Глубже, Алина, возьми глубже, как вчера.

Я сосала его, пока Марк сзади трахал меня. Два ритма, два дыхания, два источника удовольствия. Я теряла себя в этом. Я растворялась в этом водовороте ощущений.

— Кончай, — вдруг разрешил Марк, и голос его прозвучал как приговор. — Кончай сейчас, Алина. Кончай нам в рот и на член. Покажи нам, как ты кончаешь.

И я кончила. Волна накрыла с головой, без предупреждения, смывая все мысли, все страхи, все сомнения. Я забилась в жестких конвульсиях, закричала, забилась, сжимая член Марка внутренними мышцами с невероятной силой. Денис кончил мне в рот почти одновременно, и я глотала горячую, солоноватую сперму, не переставая кричать и содрогаться от спазмов оргазма.

Марк вышел из меня и кончил на спину. Горячие, густые струи ударили по пояснице, по ягодицам, потекли вниз по ногам, смешиваясь с моим потом и слюной.

Я без сил рухнула на стол, уткнувшись лицом в столешницу, тяжело, хрипло дыша. Тело дрожало мелкой, противной дрожью. Я была вся мокрая — от пота, от слюны, от спермы, от собственных соков.

— Красиво, — раздался в тишине голос Артёма. Первый раз за все время он подал голос.

Я с трудом повернула голову. Он стоял у стены, прислонившись плечом к косяку, скрестив руки на груди. Его джинсы все еще были застегнуты. Он не участвовал. Он просто смотрел.

— А ты? — спросила я хрипло, еле ворочая языком. — Почему ты?

— Я потом, — ответил он коротко, и от его низкого, спокойного голоса у меня мурашки побежали по коже. — Я люблю долго ждать. И долго трахать. Вечером будет мое время. Марк протянул мне мои трусы, подобранные с пола.

— Вытрись, — бросил он коротко. — И приведи себя в порядок. Через десять минут лекция у другой группы. Ты же не хочешь, чтобы они видели тебя такой?

Я тупо смотрела на него, не в силах пошевелиться, не в силах даже взять тряпку из его рук. Он улыбнулся — доволь-но, сыто, по-хозяйски.

— Не смотри на меня так, Алина. Ты же хотела этого. Твое тело хотело этого с первой секунды, как мы вошли. Мы просто дали тебе то, что тебе нужно. То, чего ты заслуживаешь.

— Вы... вы не можете так со мной поступать, — прошеп-тала я одними губами.

— Можем, — ответил Денис, наклоняясь и целуя меня в мокрое, липкое плечо. — И будем. Потому что тебе это нра-вится. Просто признай это, Алина. Признай, и станет легче.

Я молчала. Потому что он был прав. До ужаса, до тошноты прав.

Я оделась дрожащими, непослушными пальцами. Долго возилась с пуговицами на блузке — никак не могла попасть в петли. Застегнула юбку. Спина противно липла к ткани блуз-ки — сперма еще не высохла, впиталась в кожу. В трусы я так и не влезла, просто сунула мокрый комочек в карман юбки.

— До вечера, Алина, — сказал Марк, открывая дверь и выглядывая в коридор. — Мы заедем. Жди. И не вздумай прятаться.

Они вышли — легко, свободно, уверенно. А я осталась стоять посреди разгромленного кабинета, среди разбросан-

ных конспектов, среди тяжелого, густого запаха секса, среди руин своей прежней, правильной, скучной жизни.

И поймала себя на том, что улыбаюсь.

Потому что вечером они приедут. И я буду их ждать. Боже, как я буду их ждать! Я уже сейчас, стоя в этом кабинете, вся липкая, растрепанная, хочу, чтобы вечер наступил сию же секунду.

Я кое-как привела кабинет в относительный порядок. Конспекты были безнадежно испорчены — мятые, в странных липких пятнах, разорванные. Я сгребла все в сумку и пошла в туалет на первом этаже. Нужно было срочно помыться, привести себя в чувство, стереть с себя явные следы их присутствия.

В туалете я заперлась в кабинке, стянула юбку и блузку и посмотрела на себя в зеркало. Спина была в белых, подсыхающих разводах. Я намочила бумажные полотенца холодной водой и кое-как, дрожа от холода и отвращения к самой себе, стерла липкие следы.

Между ног все горело огнем. Я осторожно прикоснулась — и вздрогнула, закусив губу. Чувствительность была зашкаливающей. Я была опухшей, раскрытой, влажной даже после всего, что со мной сделали.

Я закрыла глаза и прислонилась лбом к холодной кафельной плитке.

Что со мной происходит? Я превращаюсь в нимфоманку? В женщину, для которой нет ничего святого, которая готова

раздвинуть ноги перед тремя мальчишками в любую минуту, в любом месте, не думая о последствиях?

Ответ был прост и страшен: да.

Они разбудили во мне то, о существовании чего я даже не подозревала. Голод. Жажду. Желание быть взятой, использованной, вылизанной до костей, до дна.

Я не узнавала себя в зеркале. И мне это нравилось.

Вторую пару я вела как сомнамбула, как зомби. Автоматически открывала рот, автоматически произносила заученные фразы, смотрела в доску, не видя написанных формул. Слышала свой собственный голос, но не понимала смысла произносимых слов.

Они сидели на последнем ряду. Смирные, приличные, старательно записывающие студенты. Никто бы не поверил, увидев их сейчас, что всего полчаса назад двое из них трахали меня на преподавательском столе, а третий смотрел на это не отрываясь.

Только один раз, когда я повернулась к доске, чтобы написать очередную формулу, в спину мне прилетела записка. Скомканный листок, пущенный умелой рукой, упал прямо к моим ногам.

Я подождала секунду, потом наклонилась и подняла его. Развернула под столом, спрятавшись от любопытных глаз.

«Ты пахнешь нами. Очень вкусно. Жди вечером. М., Д., А.»

Я сжала бумажку в кулаке так сильно, что ногти впились

в ладонь. И продолжила лекцию. Щеки мои горели огнем.

Когда прозвенел звонок — оглушительно, спасительно, — я вылетела из аудитории первой, обогнав даже самых расторопных студентов. Сбежала по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, выскочила на улицу, села в машину и уехала, не глядя назад, не думая о правилах, не видя светофоров.

Дома, в своей тихой, убогой хрущевке, я приняла двухчасовой душ. Стояла под горячей водой и терла себя мочалкой, терла гелем для душа, терла, пока кожа не стала малиновой. Смывала с себя их запах, их прикосновения, их сперму. А когда вышла, наткнулась взглядом на кровать. На ту самую кровать, где все началось.

И медленно сползла по стеночке на пол, потому что ноги отказали окончательно.

Я хотела их. Прямосейчас. Снова.

Я залезла обратно под душ, включила воду похолоднее и кончила сама, яростно, остервенело, представляя их руки, их члены, их языки одновременно. Три раза подряд. Пока вода не стала ледяной и меня не затрясло от холода.

А потом оделась в чистый халат, села на продавленный диван и стала ждать.

Часы на стене тикали оглушительно громко. Секунды тянулись, как резина. За окном медленно, невыносимо медленно темнело, сгущались ранние сентябрьские сумерки.

В десять вечера, когда я уже думала, что сойду с ума от ожидания, раздался звонок в дверь.

Глава 6

Они вошли в мою квартиру, и мир сжался до размеров моей крошечной прихожей. Воздух, только что наполненный тишиной и запахом утреннего кофе, в одно мгновение стал плотным, почти осязаемым, пропитанным чужим жаром и тестостероном. Трое высоких парней заполнили собой всё пространство. Марк, уверенный и прямой, словно нож, вошёл первым. За ним, чуть расслабленное, но с хищным блеском в глазах, скользнул Денис. И последним, бесшумным и мрачным, как тень, шагнул Артём. Щелчок замка за его спиной прозвучал не просто как выстрел — как финальный аккорд, отрезавший меня от прежней, скучной и правильной жизни.

Я стояла, вжавшись спиной в холодную стену, чувствуя, как краска заливает щёки. Дома я была в простом, выцветшем хлопковом халате, на мокрые после душа волосы было небрежно накручено махровое полотенце. Никакой брони из тонального крема и туши. Никакой защиты от их взглядов, которые раздевали меня медленно и смачно.

— Привет, — сказал Марк. Его голос, низкий и вибрирующий, коснулся меня где-то внизу живота. В этом коротком слове было столько собственнической нежности и обещания, что у меня подкосились колени.

— Привет, — выдохнула я, и мой голос показался мне

жалким писком.

Денис, не спрашивая разрешения, шагнул ко мне вплотную. Его пальцы коснулись полотенца у меня на голове, и он медленно, словно распутывая драгоценный шёлк, снял его. Тяжёлые мокрые пряди рассыпались по плечам, и я поёжилась от контраста прохладного воздуха и жара его тела.

— Красивая, — констатировал он факт, разглядывая моё лицо без грамма косметики. — Даже без всего. Самая красивая.

Я открыла рот, чтобы ответить какой-то глупостью, но Марк не дал мне и шанса. Он просто подхватил меня под ягодицы, рывком приподнимая и прижимая к себе. Я взвизгнула, инстинктивно обхватив ногами его талию, а руками вцепившись в широкие плечи. Полотенце, которое я всё ещё сжимала в пальцах, упало на пол.

— В спальню? — Вопрос прозвучал как утверждение, его губы почти касались моих.

— Да, — выдохнула я ему в рот, чувствуя его улыбку.

Он понёс меня по узкому коридору, и я физически ощущала на своей спине, ягодицах, бёдрах взгляды остальных. Денис шёл следом, его рука легонько касалась моей щиколотки. Артём замыкал шествие, и я слышала его ровное, спокойное дыхание прямо за спиной Марка. Мы были стаей, а я — добычей, которую загнали. Самой счастливой добычей на свете.

Марк опустил меня на кровать. Мою скрипучую старую

кровать, которая за эту неделю стала свидетельницей такого разгула страсти, какого не видывала за все предыдущие десять лет брака.

Я лежала, запрокинув голову, и смотрела на них снизу вверх. Трое хищников, нависающих надо мной, заслоняющих собой тусклый утренний свет из окна. Готовых разорвать. Растворить меня в себе.

— Сегодня, — начал Марк. Его пальцы неторопливо играли с пряжкой ремня на джинсах. — Сегодня мы будем учить тебя кое-чему новому.

— Чему? — Мой голос дрожал. От страха? Нет. От предвкушения.

— Доверию, — ответил Денис. Он сел на край кровати, и его ладонь тяжело легла мне на колено, медленно поползла вверх по бедру, раздвигая полы халата. — Полному, абсолютному доверию, Алина. Без права на страх.

Артём молча встал в ногах кровати, глядя на меня сверху вниз. Его взгляд, тяжёлый и тёмный, как омут, обещал нечто первобытное и пугающе-желанное.

— Раздевайся, — приказал Марк. Это не было просьбой. — Медленно. Мы хотим смотреть на тебя. На всю.

Я села, чувствуя, как дрожат пальцы, развязывающие пояс халата. Медленно, как в замедленной съёмке, я стянула хлопок с плеч. Ткань скользнула вниз, открывая сначала ключицы, потом грудь, живот, бёдра. Я осталась совершенно голой, прижимая к себе остатки халата, словно щит. Марк мягко,

но настойчиво вытянул ткань из моих ослабевших пальцев и отбросил в сторону. Три пары глаз, горящих ровным, жарким огнём желания, впились в меня.

— Ляг на спину, — скомандовал Марк.

Я легла. Руки вдоль тела, ноги сомкнуты. Покорная, открытая, ждущая.

— Раздвинь ноги. Шире. — Голос Дениса был мягче, но приказ есть приказ.

Я раздвинула бёдра, чувствуя, как натягивается кожа, как утренний воздух касается самых сокровенных мест, уже влажных, пульсирующих в томительном ожидании.

— Смотрите, — Марк обвёл рукой моё тело, но смотрел только в мои глаза. — Смотрите, какая она влажная. Как сильно она нас хочет. Это всё для нас. Наша женщина.

Я застонала от его слов. От того, как он назвал меня своей.

Денис шумно сглотнул, подавшись вперёд. — Можно мы уже... Начнём?

— Подожди, — осадил его Марк. — Сначала пусть покажет, как она умеет сама себя удовлетворять.

Я замерла.

— Что?

— Ты слышала. — Он усмехнулся, и эта усмешка резанула по нервам сладкой болью. — Мы хотим посмотреть, как ты ласкаешь себя. Как доводишь себя до оргазма. Покажи нам, Алина. Не стесняйся.

— Я... я не могу, когда вы смотрите, — прошептала я,

чувствуя, как горят щёки.

— Можешь, — возразил Денис. Его голос сел от возбуждения. — Мы хотим узнать, что тебе нравится. Как ты кончаешь, когда остаёшься одна. Это же честно. Это и есть доверие. Ты открываешь нам самую сокровенную тайну.

Я колебалась лишь секунду. Но их глаза... Они горели таким искренним, почти детским любопытством, смешанным с животной похотью, что отказать было выше моих сил.

Я медленно, всё ещё чувствуя неловкость, опустила руку вниз. Провела пальцами по гладкой коже живота, по твёрдому холмику лобка, коснулась влажных, набухших половых губ. Вздых сорвался с губ сам собой.

— Медленнее, — попросил Артём, подавая голос впервые за вечер. Его бас прозвучал неожиданно гулко. — Не торопись. Мы хотим насладиться каждым твоим движением.

Я послушалась. Замедлила ритм до тягучего, вязкого. Водила подушечками пальцев по клитору, по нежным складочкам, собирая выступившую влагу, размазывая её, дразня себя до сладкой, томящей боли.

— Введи палец внутрь, — приказал Марк. Его дыхание уже сбилось, кулаки были сжаты.

Я послушно ввела сначала один палец, потом, зажмурившись от нахлынувших ощущений, второй. Мой собственный ритм, моя привычная глубина. Я качнулась бёдрами навстречу своей руке, проваливаясь в знакомый, но от этого не менее острый коктейль ощущений.

— Открой глаза, — потребовал Денис. — Смотри на нас, Алина. Не смей закрываться. Смотри, как мы смотрим на тебя.

Я распахнула глаза. Три пары глаз были прикованы к моей руке, к тому месту, где пальцы исчезали во мне. Три напряжённых члена, отчётливо видневшихся под тканью джинсов. Три сбитых, тяжёлых дыхания. Это зрелище подстегнуло возбуждение сильнее любых прикосновений. Я застонала громче, почти закричала.

— Я... я сейчас... — выдохнула я, чувствуя, как напряжение внизу живота достигает пика.

— Стоп, — резко сказал Марк.

— Что?

— Остановись. — Он шагнул ближе. — Не смей кончать без нас. Ты поняла?

С диким усилием воли, дрожа всем телом, я замерла. Оргазм, уже готовый взорваться, отступил, оставив после себя томительное, пульсирующее, почти невыносимое напряжение.

— Умница, — похвалил Денис, проводя пальцем по моей влажной от пота щеке. — Послушная девочка.

— А теперь, — Марк выпрямился, — мы покажем тебе, что такое настоящее доверие.

Он подошёл к тумбочке и выдвинул ящик. Я лихорадочно вспоминала, что там может быть, но он достал... мой старый, забытый шёлковый шарф.

— Что ты... — начала я, но меня перебили.

— Доверься нам, — почти пропел Денис. — Просто закрой глаза и доверься.

Марк взял мою руку и, глядя мне прямо в глаза, привязал запястье шарфом к старому, кованому изголовью кровати. Не больно, но надёжно. Потом вторую руку. Я оказалась распятой на собственной кровати.

— Нравится? — спросил он, наклоняясь и касаясь губами моего виска.

— Да, — выдохнула я честно, чувствуя, как от беспомощности по телу разливается новый, пьянящий жар.

— Хорошо. Потому что это только начало.

Он достал из ящика второй шарф. И третий. Денис взял мою левую ногу и, нежно погладив щиколотку, привязал её к ножке кровати. Артём проделал то же самое с правой ногой. Я была полностью обездвижена, растянута, раскрыта перед ними, как цветок.

Лёгкий холодок страха пробежал по позвоночнику, но тут же утонул в обжигающей волне возбуждения. Я была в их полной, абсолютной власти.

— Видишь? — Марк провёл пальцем по моему влажному лону, и я дёрнулась в путах. — Ты полностью наша. Теперь мы будем делать с тобой всё, что захотим. И ты ничего не сможешь с этим поделать. Только принимать. Только чувствовать.

— Пожалуйста, — выдохнула я.

— Что «пожалуйста»?

— Трахайте меня. Ну пожалуйста, Марк. Я не могу больше ждать.

— Обязательно, — его улыбка была хищной и обещающей. — Но не сразу.

Он отошёл и начал медленно, с мучительной неспешностью раздеваться. Денис и Артём последовали его примеру. Я смотрела, как падает на пол их одежда, открывая идеальные, молодые, сильные тела. Широкие плечи, твёрдые кубики пресса, сильные бёдра. Их члены, освободившись от ткани, встали туго, напряжённо, с влажными головками, готовые к атаке.

Три обнажённых бога надо мной.

— Кто первый? — хрипло спросил Денис, сжимая себя в кулак.

— Я, — ответил Марк, вставая на колени между моих раздвинутых ног. — Но сначала она должна быть готова по-настоящему.

Его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от моего лона. Я чувствовала его горячее, прерывистое дыхание на самой чувствительной коже.

— Ты так вкусно пахнешь, — прошептал он, и его голос вибрировал у меня внутри. — Так сладко и остро. Я готов умереть здесь, между твоих ног.

И он начал. Его язык ворвался в меня одним жадным, глубоким движением. Он не пробовал, он пил, он поглощал ме-

ня с какой-то первобытной, ненасытной страстью. Он лизал меня, как дикий зверь, вбирал в себя мои соки, посасывал клитор, входил языком глубоко внутрь, имитируя движения члена.

Я закричала. Рванулась в путах, но шёлк только больнее впился в кожу. Я была пленницей его языка, его рта, его абсолютной ненасытности.

— Марк! — застонала я, выгибаясь ему навстречу. — Марк, пожалуйста, я сейчас, я уже...

— Не смей, — услышала я сквозь пелену голос Дениса. — Ещё рано, Алина.

Марк, будто подчиняясь чужой команде, тут же оторвался от меня. Я зарыдала от бессильной злости и желания — почти у самой цели, и снова отброшена назад, в пучину голода.

— Теперь я, — сказал Денис, становясь на место Марка.

Он действовал иначе. Нежнее, но от этого не менее изощрённо. Он целовал мои внутренние стороны бёдер, едва касаясь губами, покусывал нежную кожу в самых чувствительных местах, медленно поднимаясь всё выше, дразня, мучая с улыбкой.

— Какая ты мягкая, — шептал он, проводя щекой по моему лобку. — Какая сладкая. Я хочу тебя всю. Каждую клеточку.

Он наконец коснулся языком клитора. Легко, как крыло бабочки, едва ощутимо. Я выгнулась дугой, насколько позволяли путы.

— Ещё, Денис... — умоляла я. — Пожалуйста, ещё. Сильнее.

Он слушался. Усиливал давление, ускорял ритм, доводя меня до иступления. Я уже почти летела в пропасть, когда он, повинувшись невербальному сигналу Марка, замер.

— Нет! — закричала я, забившись в истерику. — Не смейте останавливаться! Пожалуйста!

— Смеем, — услышала я спокойный, как лед, голос Арёма. — Теперь моя очередь.

Он опустился между моих ног, но не стал сразу прикасаться. Он просто смотрел. Долго, не мигая, изучающе. Я извивалась под этим немигающим взглядом, чувствуя себя абсолютно, тотально обнажённой — не только телом, но и самой душой.

— Красивая, — вынес он вердикт. — Очень красивая. Я хочу запомнить тебя такой навсегда. Распятой и жаждущей.

И только потом он наклонился. Его язык был жестче, требовательнее, чем у остальных. Он не дразнил, он брал то, что принадлежало ему по праву сильного. Глубоко, сильно, в одном пульсирующем, ритмичном темпе. Я чувствовала, как напряжение снова растёт, как приближается неминуемая, девятым валом, волна.

— Сейчас? — спросил он, на секунду отрываясь. — Кончишь сейчас для нас, Алина?

— Да-а-а! — закричала я, не в силах больше терпеть. — Да, пожалуйста, да!

— Кончай, — разрешил он, и это слово прозвучало как снятие с креста.

Я кончила. Волна накрыла с головой, размывая границы реальности, вымывая все мысли, все чувства, всё, кроме чистого, животного, ослепительного экстаза. Я кричала, билась в путах, выгибалась, а Артём не останавливался. Он продолжал лизать меня, всасывать в себя, продлевая оргазм, вытягивая из меня последние соки, заставляя конвульсии следовать одна за другой.

Когда я пришла в себя, тяжело дыша, вся мокрая от пота и его слюны, Марк наклонился ко мне.

— Это был только первый, — прошептал он, вытирая пот с моего лба. — Сегодня будет много. Очень много.

— Развяжите меня, — попросила я, облизывая пересохшие губы. — Пожалуйста. Я хочу касаться вас. Чувствовать вас.

— Нет, — ответил Денис, проведя рукой по своей напряжённой плоти. — Сегодня ты только принимаешь. Сегодня мы делаем с тобой всё, что хотим. Помнишь? Это наш урок.

Артём поднялся и, обойдя кровать, встал у моего изголовья. Его член оказался прямо перед моим лицом. Твёрдый, большой, с блестящей от смазки головкой.

— Открой рот, — приказал он. И я открыла...

Стажёры. Двойная нагрузка

Аля Миронова

<https://litnet.com/shrt/COFO>

АЛЯ
Миронова

СТАЖЁРЫ
Двойная нагрузка

Глава 7

Неделя пролетела как один долгий, тягучий, сладкий и изнурительный сон. Каждую ночь они приезжали. Каждую ночь я открывала дверь, и реальность растворялась, уступая место им. Я впускала их в свою жизнь, в своё тело, в свою душу, с каждым разом теряя способность различать, где заканчивается игра и начинается что-то настоящее.

Мы занимались любовью везде, где заставляла нас волна желания — на холодном кафеле кухни, в тесной ванной, на полу в коридоре, на подоконнике (хорошо, что первый этаж и во дворе ни души). Я перестала считать оргазмы. Я перестала считать руки, губы, глаза, которые смотрели на меня с такой жадностью, будто я была единственным источником жизни. Я просто плыла по течению, отдавая себя этому безумному, всепоглощающему водовороту. Это было упорно и страшно. Страшно оттого, как сильно я начала ждать этих ночей. Как сильно я начала ждать их.

К утру понедельника я, разбитая и счастливая, еле допознала до университета. Синяки под глазами приходилось маскировать толстым слоем тонального крема, а следы их губ и зубов на шее — прятать под высокими водолазками, даже когда на улице стояла жара. И каждый день, переступая порог аудитории, я встречала их взгляды. Три пары глаз, которые видели меня насквозь. Которые знали, как меняются

мои зрачки в момент наивысшего наслаждения, как я выгибаю спину, как хрипло стону и как молю о пощаде, когда они заходят слишком далеко. Это знание, висящее в воздухе невидимой нитью, было невыносимо и безумно возбуждающее. Это был наш тайный мир посреди серых лекций.

Но сегодня что-то пошло не так.

Я зашла в аудиторию за пять минут до звонка, чувствуя привычную ломоту в теле после бурной ночи. Студенты уже собрались, воздух гудел от голосов и смеха. Я машинально скользнула взглядом по рядам, выискивая знакомые лица.

Нашла. И сердце словно пронзили ледяной иглой.

Они сидели на своих местах — Марк, Денис, Артём. Но рядом с Марком, вплотную к нему, прижималась блондинка. Одна из сокурсниц. Длинные, идеальные ноги, вызывающе короткая юбка, пышная грудь, которую едва прикрывал дешёвый кружевной топ. Она что-то страстно шептала Марку на ухо, положив руку ему на плечо, запрокидывая голову в наигранном смехе. Каждое её движение кричало о собственничестве.

А он улыбался в ответ. Спокойно, расслабленно.

У меня внутри что-то оборвалось. Резко, до физической боли в груди, неожиданно. Мир сузился до этой картинки, выжженной на сетчатке. Я почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

Я резко отвернулась и начала судорожно раскладывать конспекты на столе, надеясь, что никто не заметит моего со-

стояния. Руки предательски дрожали, мелкая дрожь пробежала по позвоночнику. Сердце колотилось где-то в горле, заглушая голоса. В ушах стоял оглушительный звон.

Ты дура, Алина, — зазвучал в голове холодный, насмешливый голос. — Что ты о себе возомнила? Им по двадцать, тебе уже тридцать. Они просто трахают тебя. Ты для них — игрушка, развлечение, опытная женищина для грязных экспериментов, о которых они будут вспоминать на старости лет. А у них своя жизнь, свои девушки, свои ровесницы с упругой грудью и без комплексов.

Я сжала указку так, что побелели костяшки пальцев. На глаза наворачивались слёзы обиды и злости на саму себя.

— Алина Валерьевна, можно вопрос?

Я вздрогнула и подняла глаза. Денис стоял у моего стола, и его обычно веселые глаза были обеспокоены. Он вглядывался в моё лицо с такой тревогой, от которой защипало в носу ещё сильнее.

— Да, Денис, — ответила я, поражаясь тому, как ровно звучит мой голос, хотя внутри всё полыхало. Я старалась не смотреть в сторону Марка и этой куклы.

— Вы в порядке? — спросил он тихо, игнорируя любые формальности. — Вы бледная какая-то.

— В полном, — отрезала я жёстче, чем следовало. — Садитесь, Денис. Мы начинаем лекцию.

Он задержался на долю секунды, будто хотел что-то добавить, может, даже коснуться моей руки, но потом кивнул и

медленно вернулся на место.

Всю лекцию я существовала в каком-то раздвоенном состоянии. Тело автоматически водило указкой по схеме, слова лились ровным потоком, а мысли металась в агонии. Краем глаза я постоянно, как замороженная, следила за ними. За тем, как эта Катя снова и снова поворачивается к Марку, кокетливо касается его руки, заглядывает в глаза, кусая губы. Я видела, как Денис хмурится, поглядывая то на меня, то на неё. Как Артём сидит с непроницаемым лицом, но его челюсть напряжена.

А Марк позволял. Он сидел, полуобернувшись к ней, и позволял. Это было пыткой. Каждый её смех отдавался у меня в висках пульсирующей болью. Я чувствовала себя выставленной напоказ, униженной, растоптанной. И самое ужасное — я не имела на это никакого права.

К концу пары я была сама не своя. Руки тряслись так, что я боялась, что студенты заметят. В глазах щипало от слёз, которые я сдерживала ценой невероятных усилий. Я ненавидела себя за эту слабость. За эту липкую, удушливую ревность. За то, что мне оказалось далеко не всё равно.

— Лекция окончена, — объявила я, едва прозвенел звонок, молясь, чтобы голос не дрогнул. — Все свободны.

Студенты с шумом и гамом потянулись к выходу. Я лихорадочно сгребла бумаги в папку, мечтая только об одном — сбежать, спрятаться в преподавательской, забиться в угол и тихо сойти с ума. Я почти вылетела из-за кафедры, но не

успела сделать и трёх шагов.

— Алина Валерьевна.

Голос Марка раздался прямо над ухом. Я вздрогнула, словно от удара током, пальцы разжались, и папка с грохотом рухнула на пол, рассыпая листы конспектов веером.

— Чёрт, — выдохнула я и, не глядя на него, наклонилась собирать.

Марк наклонился следом. Наши головы почти соприкоснулись, я чувствовала его запах, такой родной, от которого внутри всё переворачивалось. Он поднял несколько листов и протянул мне. Я взяла их, старательно избегая касаться его пальцев.

— Что случилось? — спросил он тихо, но в этом тихом голосе слышалась сталь. — Ты сама не своя. Что с тобой?

— Ничего, — ответила я, выпрямляясь и глядя куда-то в сторону. — Я сказала, всё в порядке.

— Не ври мне, — его голос стал жёстче, он сделал шаг ко мне, сокращая расстояние. — Я вижу. Всё вижу. Говори.

Я подняла на него глаза. В его взгляде было беспокойство. Настоящее, живое, глубокое беспокойство. И это добило меня окончательно.

— Кто эта девушка? — вырвалось у меня помимо воли. Голос прозвучал глухо и обречённо. — Та, блондинка, что сидела с вами?

Марк удивлённо вскинул бровь. В его глазах мелькнуло понимание, и оно испугало меня ещё больше.

— Катя? Сокурсница моя. А что?

— Вы так мило общались, — я пыталась вложить в голос всю возможную иронию и равнодушие, но вышло жалко, по-детски обиженно. — Я подумала, может... может, она твоя девушка.

Он усмехнулся. Наклонился ближе, почти касаясь губами моего уха, обжигая дыханием.

— Ты ревнуешь, Алина?

— Нет, — соврала я, отворачиваясь.

— Ревнуешь, — повторил он с каким-то новым, интимным удовольствием в голосе. — Боже, как это мило. Ты ревнуешь меня к пустому месту.

— Ничего не мило, — огрызнулась я, чувствуя, как слёзы снова подступают к горлу. — И мне всё равно, с кем вы встречаетесь. Делайте что хотите. Вы свободные люди.

Я развернулась и, сжимая папку так, будто это был спасательный круг, почти выбежала из аудитории, оставив его одного.

Глава 8

Домой я приехала совершенно разбитая. Силы оставили меня. Я бросила сумку в коридоре, не раздеваясь, рухнула лицом в подушку на кровати и уставилась в одну точку на стене.

Что со мной происходит? Неужели это любовь? Та самая глупая, всепоглощающая любовь, в которую я перестала верить лет в двадцать пять? Я влюбилась в троих мальчишек, для которых я — всего лишь удобный и доступный секс-объект?

Я закрыла глаза, и перед ними всплыли их лица. Их руки. Их губы. То, как Марк смотрит на меня в момент кульминации — с такой бесконечной нежностью, что у меня захватывает дух. Как Денис шепчет мне на ухо что-то невероятно ласковое, отчего хочется плакать. Как обычно молчаливый Артём после секса долго гладит меня по голове, убирая с лица влажные пряди волос.

Это не может быть просто сексом. Не может. Но если это что-то большее, почему тогда Марк сидел и улыбался этой пустышке Кате? Почему не отодвинулся, не послал её подальше?

Ответ был один: потому что я для них ничего не значу.

В дверь позвонили ровно в семь вечера. Я не пошевелилась. Не открыла.

Звонок повторился. Настойчивее. Потом ещё и ещё. А потом в дверь начали отчаянно барабанить кулаками.

— Алина, открой! — голос Марка, искажённый тревогой.
— Мы знаем, что ты дома! Открой, чёрт возьми!

— Алина, пожалуйста! — теперь Денис, в его голосе слышалась мольба. — Хватит, давай поговорим нормально!

Я лежала и смотрела в стену, сжимая подушку. Молчание. Потом щелчок входной двери. Чёрт. Я забыла закрыться на ключ. Просто захлопнула её, придя с работы, а замок автоматически не щёлкнул.

Шаги в коридоре. Три пары ног. Они ворвались в спальню и замерли на пороге, глядя на меня, скрючившуюся на кровати в позе эмбриона. Я даже не повернула головы.

— Ты чего? — спросил Марк, его голос охрип от волнения. Он подошёл и сел на край кровати. — Мы звонили, волновались. Думали, случилось что.

— Зачем вы пришли? — спросила я глухо, уткнувшись в подушку. — Идите к своей Кате. Развлекайтесь.

Марк тяжело вздохнул. Я почувствовала, как кровать прогнулась под его весом, и он осторожно коснулся моего плеча. Я отдёргнулась, словно от ожога.

— Алина, посмотри на меня.

— Нет.

— Посмотри.

Он взял меня за подбородок, развернул к себе. Я упорно смотрела куда-то в сторону его подбородка, в глаза — не

могла.

— Катя — просто сокурсница, — сказал он спокойно, но с нажимом. — Она строит мне глазки с первого курса. Мне на неё плевать, слышишь? Совершенно. Потому что есть ты.

— Я — преподавательница, которую вы трахаете по ночам, — выплюнула я эти слова, как яд. — Удобная игрушка для трёх мажоров. Не больше.

Денис подошёл с другой стороны кровати и сел, и я почувствовала, как матрас просел с двух сторон.

— Ты дура, что ли? — спросил он удивительно мягко для таких грубых слов. — Мы к тебе *каждую*ночь приезжаем. Мы на тебя *весь день*смотрим. Мы о тебе *постоянно*думаем. Думаешь, нам это просто секс?

— А что же? — в моём голосе звенели слёзы.

— Мы... — Денис запнулся, переглянулся с Марком. — Мы сами не знаем, что это. Но это точно не просто секс.

Артём стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Он молчал, как всегда, но его взгляд, тяжёлый и горячий, был красноречивее любых слов.

— Тогда почему она трогала тебя? — спросила я Марка, и голос наконец дрогнул, слёзы покатались по щекам. — Почему ты сидел и позволял ей это?

— Потому что мне плевать на неё, — ответил он, глядя прямо в глаза. Его рука легла мне на щеку, стирая слёзы большим пальцем. — Она для меня пустое место, часть интерьера. А ты... — он сделал паузу, — ты для меня всё.

Он наклонился и поцеловал меня. Медленно, проникновенно, нежно, совсем не так, как целовал обычно, в порыве страсти. В этом поцелуе было что-то новое, пугающее и безумно желанное. Что-то, похожее на обещание, на клятву.

Я не выдержала. Разревелась. Прямо в его губы, трясясь всем телом, как последняя истеричка.

— Прости, — всхлипывала я, задыхаясь. — Прости меня. Я такая глупая, я не должна была... я просто...

— Тсс, — он гладил меня по спине, прижимая к себе. — Всё хорошо. Даже хорошо, что ты ревнуешь. Правда. Значит, мы тебе безразличны.

— Безразличны, — признала я шёпотом куда-то в его шею. — Очень безразличны. Вы даже не представляете, насколько.

— Тогда, — Денис забрался на кровать с другой стороны и лёг рядом, поглаживая мою ногу, — может, хватит уже страдать и плакать, и начнём заниматься тем, ради чего мы, собственно, сюда пришли?

Я сквозь слёзы невольно рассмеялась. Истерично, но легче.

— Вы невыносимы. Совершенно невыносимы.

— Знаем, — улыбнулся Марк, целуя мой мокрый висок. — Но ты нас такими полюбила.

Я всхлипнула в последний раз и сама вытерла слёзы тыльной стороной ладони.

— Я вас не люблю, — сказала я для очистки совести, про-

сто чтобы не сдаваться так сразу. — Я просто...

— Что? — спросил Артём из дверного проёма. Его низкий голос заставил меня вздрогнуть.

Я посмотрела на него. Потом на Дениса. Потом на Марка.

— Я не знаю, — ответила я абсолютно честно. — Я ничего не знаю больше. Я совсем запуталась.

— Тогда не думай, — Марк уже расстёгивал пуговицы на моей блузке. Его пальцы были тёплыми и уверенными. — Не надо думать. Просто чувствуй.

Они раздевали меня по-другому. Не как обычно, торопливо и жадно, а медленно, бережно, почти благоговейно. Каждое движение было наполнено невысказанной нежностью. Словно мои слова, мои слёзы что-то кардинально изменили, перевернули какой-то внутренний переключатель в них, добавив к привычной страсти что-то бесконечно трогательное.

Денис целовал мои запястья с внутренней стороны, где кожа особенно тонкая и бешено бьётся пульс. Он прижимался губами к синеньким венкам, и от этого по телу расходились тёплые волны. Марк, освободив от бюстгалтера грудь, взял в рот сосок, но не жадно, а нежно посасывая, обводя языком, глядя на меня снизу вверх. Артём стягивал с меня джинсы и трусики, целовал живот, спускаясь всё ниже, задерживаясь в самых чувствительных местах.

Я лежала, полностью расслабившись, растворившись, и позволяла им делать со мной всё. После сегодняшнего ада напряжения эта ласка была как спасительный бальзам.

— Мы тебя напугали? — спросил Марк, отрываясь от моей груди.

— Немного, — честно призналась я. — Даже сильно.

— Прости. Мы не думали... не думали, что тебе это настолько важно. Кто там к нам подходит.

— Оказывается, важно, — прошептала я. — Очень важно. Денис забрался сверху, навис надо мной, опираясь на руки, глядя прямо в глаза. Его лицо было очень серьёзным.

— Мы никуда не денемся, — сказал он веско. — Мы здесь. С тобой. Столько, сколько ты сама захочешь.

— А если я захочу навсегда? — выдохнула я и сама испугалась собственной смелости и откровенности.

Он замер. Марк замер, замерев у моей груди. Даже Артём перестал целовать внутреннюю сторону моего бедра.

Тишина в комнате стала осязаемой, плотной, как кисель. Я слышала только бешеный стук своего сердца.

Глава 9

— Навсегда — это очень долго, — сказал наконец Марк, первым нарушив молчание. Его голос звучал хрипло. — Мы слишком молодые, чтобы обещать навсегда. Но... мы можем обещать тебе, что пока мы вместе — мы твои. Полностью. Без остатка.

Я кивнула, чувствуя, как от этих простых слов по телу разливается невероятное тепло. Этого было достаточно. Пока.

— А теперь хватит разговоров, — вмешался Артём, который уже добрался губами до самого чувствительного места и, видимо, потерял последнее терпение. Его голос был глухим и хриплым от желания. — Я больше не могу ждать. Я хочу её.

И нежность, трепетная и осторожная, в одно мгновение трансформировалась в нечто первобытное. Началась страсть.

Артём вошёл в меня первым. Без долгих прелюдий, сразу глубоко, сильно, заполняя до краёв. Я застонала, выгибаясь ему навстречу, впиваясь ногтями в его плечи. Он двигался резко, ритмично, ритмично, не сводя с меня тяжёлого, обжигающего взгляда.

Марк встал у изголовья кровати, у моей головы. Я приподнялась и взяла его член в рот, чувствуя солоноватый, пряный вкус смазки и его нетерпеливую дрожь. Денис лёг рядом, и

я гладила его рукой, дрожа ему в такт движениям Артёма, чувствуя, как под моими пальцами наливается и пульсирует его плоть.

Четверо. Одно тело на всех. Одно дыхание. Один ритм. Мы двигались в унисон, как единый, слаженный механизм, созданный для удовольствия.

Артём кончил быстро, но глубоко, с приглушённым рыком зарываясь лицом в мои волосы. Вышел, и сразу же, без паузы, его место занял Марк. Он вошёл в меня плавно, но уверенно, скользя по влажности, оставленной Артёмом, и застонал от удовольствия.

— Какая же ты скользкая... — выдохнул он мне на ухо. — Какая тёплая... боже...

Он трахал меня медленнее, чем Артём, глубже, смакуя каждое движение, каждое моё сокращение. Денис снова подставил свой член к моим губам, и я послушно взяла его в рот, двигаясь головой в том же ритме, в каком Марк двигался во мне.

Мы кончили почти одновременно. Марк — мне на живот, горячими, густыми струями. Я вскрикнула от неожиданности и остроты ощущений. Он размазал свою сперму по моей коже ладонью, медленно, любуясь.

— Красиво, — выдохнул он. — Ты безумно красивая, даже... нет, особенно когда вся в сперме.

Денис тут же лёг сверху, вошёл в меня плавно, почти нежно, но его глаза горели. Он двигался медленно, глядя в са-

мую душу, и от этого пронзительного взгляда у меня внутри всё переворачивалось и плавилось.

— Я хочу, чтобы ты кончила, — шептал он ритмично, в такт толчкам. — Только для меня. Прямо сейчас. Давай, Алина, я вижу, как ты близко...

И я кончила. Под его неотрывным взглядом, под его медленными, глубокими толчками, которые, казалось, достигали самого центра моего существа. Волна накрыла с головой, разбиваясь на миллионы искр, вымывая последние остатки страхов и глупых сомнений.

Он кончил следом, выгибаясь и зарываясь лицом в мою шею, горячо и обильно изливаясь в меня.

Мы лежали вповалку, тяжело, прерывисто дыша. Я — в центре, разбитая, опустошённая, но абсолютно, невероятно счастливая.

— Мы любим тебя, — вдруг тихо сказал Денис в наступившей тишине.

Я замерла.

— Что?

— Я сказал, что мы любим тебя, — повторил он твёрже.
— Я — точно люблю.

— Я тоже, — эхом отозвался Марк, глядя меня по животу.
— Не знаю, как это правильно назвать, но это точно оно. Любовь.

Артём ничего не сказал. Он просто повернулся и прижал-

ся сухими, горячими губами к моему плечу, к тому месту, где пульсировала жилка. Это было красноречивее всех слов.

Я лежала и смотрела в потолок, по которому плясали блики от уличных фонарей. Слёзы снова текли по щекам — снова, в который раз за этот бесконечный день. Но это были другие слёзы. Слёзы невероятного, оглушительного облегчения и счастья.

— Я вас тоже, — прошептала я в темноту. — Кажется, я вас тоже очень люблю.

И это было чистой правдой.

Мы уснули под утро, переплетённые руками и ногами, словно боялись, что если отпустим друг друга, то всё исчезнет. Я — в центре, как и всегда в последнее время, окружённая их теплом, их ровным дыханием, их любовью.

А утром я проснулась оттого, что кто-то настойчиво, но нежно гладил меня между ног, заставляя тело отзываться ещё до полного пробуждения.

— Доброе утро, — прошептал Артём, глядя на меня своими тёмными глазами. — Я соскучился.

— Ты с ума сошёл? — простонала я в подушку, чувствуя, как внутри разгорается ответный огонь. — Мы же только три часа назад... уснули...

— Три часа — это очень много, — ответил он с убийственной серьёзностью, продолжая свои ласки. — Я хочу тебя снова. Прямо сейчас.

Он вошёл в меня медленно, осторожно, давая привык-

нута, хотя я была всё ещё влажной и готовой после ночи.

Рядом завозились Марк и Денис. Открыли сонные глаза, увидели нас и довольно, по-кошачьи улыбнулись.

— Опять ты первый, — проворчал Денис сонно, но беззлобно. — Вечно тебе, Артём, больше всех надо.

— Я просто люблю её сильнее, — усмехнулся Артём уголком губ, продолжая двигаться во мне.

— А вот это мы ещё посмотрим, — Марк мгновенно включился в игру, подполз с другой стороны и начал целовать мою грудь, подразнивая затвердевшие соски.

Денис не отставал — он гладил мои разведённые бёдра, покусывал чувствительную кожу с внутренней стороны колена, спускаясь всё выше.

Я лежала и таяла. Второй раз за это короткое утро меня накрывало волной неудержимого удовольствия. Артём двигался ритмично, сильно, глубоко, и я чувствовала, как приближается разрядка.

— Да... — застонала я, запрокидывая голову. — Да, Артём, ещё...

— Кончай, — приказал он хрипло, ускоряя темп. — Кончай для меня. На мой член.

Я послушалась. Волна накрыла с головой, выгибая тело дугой, вырывая гортанный крик из самой глубины души. Артём кончил следом, с глухим рыком впиваясь зубами мне в плечо, чтобы заглушить собственный стон.

Мы замерли на долю секунды в полной невесомости. А потом Марк, не давая мне опомниться, перевернул меня на живот и вошёл сзади, одним плавным, но властным движением.

— Теперь моя очередь, — прорычал он мне на ухо, сжимая мои ягодицы. — И я предупреждаю сразу: сегодня я буду долго.

Он сдержал своё обещание. Он брал меня долго, изнурительно сладко, смакуя каждое движение, каждую мою дрожь. Денис сидел у изголовья, и я послушно брала его в рот, пока Марк вбивался в меня сзади, заставляя сходить с ума от переизбытка ощущений. Артём отдыхал рядом, но его рука постоянно гладила мою спину, не давая забыть, что он тоже здесь, с нами.

Мы кончили все вместе. В который раз за эту бесконечную, сошедшую с ума ночь. В который раз за эту начавшуюся прекрасным утром жизнь.

А потом мы просто лежали, обессиленные и счастливые, и смотрели, как в окно медленно, нехотя вползает рассвет нового дня.

— Сегодня воскресенье, — мечтательно протянул Денис, поглаживая мои волосы. — Никуда не надо. Ни в универ, никуда.

— Значит, — довольно улыбнулся Марк, прижимая меня к себе крепче, — у нас снова целый день впереди.

— И целая ночь, — добавил Артём, целуя моё плечо.

— И вся жизнь, — прошептала я так тихо, что они могли не слышать.

Но они слышали. Три пары глаз посмотрели на меня. И три пары губ одновременно растянулись в счастливой, усталой улыбке.

— И вся жизнь, — эхом, словно клятву, отозвались они в унисон.

Мы не знали, что ждёт нас впереди. Не знали, как на это посмотрят в университете, что скажут их родители, как мы будем жить дальше, как выпутаемся из этого клубка страсти, нежности и запретов. Но в то утро, в то воскресное, пахнущее любовью и сексом утро, всё это было абсолютно неважно.

Важны были только мы. Четверо. Вместе. Одно целое на четверых.

И это было чертовски, невероятно, ослепительно прекрасно.

Глава 10

Месяц спустя я перестала задавать себе вопросы.

Не потому, что нашла на них ответы. А потому, что поняла: их просто не существует. Вопросы повисли в воздухе, как та самая тишина между нами, тяжелая, наполненная чужими ударами сердец, когда мы засыпали вчетвером на моей узкой кровати, переплетенные телами.

Как мы живём? Почему они всё ещё здесь? Что будет, когда их родители узнают? Когда узнает декан?

Вопросы оставались без ответов, рассыпаясь в прах, стоило Артёму прикусить мочку моего уха, или Денису провести ладонью по внутренней стороне бедра, или Марку посмотреть на меня с задней парты тем взглядом, от которого у меня подкашивались колени. Я просто перестала их задавать. Я жила в моменте. В их руках, их губах, их членах. В том безумном, всепоглощающем водовороте, который назывался моей новой жизнью. Жизнью, где границы между «можно» и «нельзя» стерлись в первую же ночь, превратившись в мокрое пятно на простыне.

Но жизнь за пределами спальни не исчезла. Она ждала за дверью, терпеливая, как хищник, принимающая к нашей безопасности. И сегодня она напомнила о себе.

— Алина Валерьевна, можно вас на минуту?

Голос декана прозвучал из динамика домофона так вне-

запно, что я едва не выронила стопку методичек. Я только зашла в универ после лекции, чувствуя себя на удивление расслабленно. Мои пальцы всё ещё помнили хватку Марка, на коже под одеждой алели следы от губ Дениса, а в ушах звучал хриплый смех Артёма. Я замерла, чувствуя, как кровь отливает от лица, оставляя после себя ватную пустоту.

— Да, конечно, Сергей Иванович.

Собственный голос прозвучал чужеродно — слишком бодро, слишком громко для той паники, что скреблась в груди.

В кабинете декана пахло кофе, дорогим табаком и старыми книгами — запах устоявшегося порядка, от которого меня замутило. Сергей Иванович сидел за массивным столом, медленно перебирая бумаги, словно взвешивая каждую. Когда я вошла, он поднял голову, и его взгляд — спокойный, изучающий — вонзился мне в позвоночник.

— Присаживайтесь.

Я села на краешек стула напротив, положив руки на колени, чтобы скрыть дрожь. Пальцы вцепились в ткань юбки так сильно, что побелели суставы.

— У нас тут возникли некоторые... разговоры, — начал декан осторожно, откладывая бумаги в сторону. — Касательно ваших отношений со студентами.

Сердце рухнуло куда-то в пятки, разбиваясь о ребра. В ушах зашумело. *Разговоры. Уже разговоры.* Я сглотнула вязкую слюну, стараясь, чтобы лицо не выдало ужаса.

— Какие отношения? — спросила я, и голос, к моему удивлению, прозвучал ровно, почти удивленно.

— Северцев, Романов и Соболев, — перечислил он, и каждое имя падало на стол гирей. — Трое студентов вашей группы. Говорят, вы проводите с ними много времени вне занятий. Совместные поездки, поздние встречи. — Он сделал паузу. — Я бы сказал, это выходит за рамки стандартного кураторства.

— Кто говорит? — спросила я, понимая, что это вопрос-ловушка, но остановиться не могла.

— Это не важно. Важно то, что это правда?

Я молчала секунду. Может, две. Время растянулось, как резина. Я смотрела на переносицу декана, чтобы не встретиться с ним глазами, и лихорадочно прокручивала в голове варианты. Отрицать всё. Упирать на профессионализм. Не дать ему усомниться.

Потом я выдохнула. Медленно, контролируя диафрагму.

— Я не сплю со студентами, Сергей Иванович, — сказала я, чеканя каждое слово. — И никогда не позволю себе непрофессионального поведения.

Полуправда. Самая опасная ложь. Я действительно не спала со студентами. Я спала с ними — с Артёмом, Марком, Денисом — с тремя мужчинами, которые по воле случая значились в моей группе. Но это было не «непрофессиональное поведение». Это была жизнь. Это была потребность. Это было то, от кчего я не хотела отказываться.

Декан смотрел на меня долго, изучающе. Мне казалось, он видит меня насквозь — видит следы их пальцев на моей коже, слышит эхо наших стонов в стенах моей квартиры. Но он просто кивнул.

— Я надеюсь на это, Алина Валерьевна. Вы хороший преподаватель, и я не хочу терять вас. Но если до меня дойдут подтверждённые слухи...

— Не дойдут, — перебила я, понимая, что это наглость, но сил играть в вежливость уже не было. — Можете быть спокойны.

Я встала и вышла из кабинета, стараясь не бежать. Но стоило тяжелой дубовой двери закрыться за мной, как ноги подкосились. Я прислонилась к холодной стене, прижимаясь лопатками к штукатурке, и пыталась отдышаться. В коридоре было пусто, но мне казалось, что за каждым углом прячутся глаза.

Кто-то видел. Кто-то говорил. Кто-то хочет уничтожить меня. Или уничтожить их.

Я нашла их в спортзале. Сразу после пары, когда коридоры опустели. Артём отрабатывал удары на груше, и каждый удар звучал выстрелом в тишине. Марк и Денис сидели на скамейке, склонившись над телефоном Дениса. Когда я вошла, они подняли головы, и напряжение, повисшее в воздухе, стало физически осязаемым.

— Что случилось? — Марк вскочил первым. Он всегда был самым быстрым на чтение эмоций. Его глаза скользнули

по моему лицу, и я увидела, как в них зажигается опасный огонь.

— Декан вызывал, — сказала я, прислоняясь к дверному косяку, потому что ноги всё ещё не слушались. — Кто-то донёс о наших... отношениях.

Тишина повисла в спортзале. Даже Артём перестал бить грушу. Кожаная обивка медленно качнулась в последний раз и замерла. Трое парней смотрели на меня, и в этот момент они были похожи не на студентов, а на стаю молодых хищников, почуявших опасность.

— Кто? — спросил Артём глухо. Он повернулся к нам, и его руки, всё ещё обмотанные бинтами, сжались в кулаки.

— Не знаю. Он не сказал. Но кто-то видел нас. Или слышал. Или догадался.

— Катя, — выдохнул Денис, и в этом выдохе не было сомнений. — Точно она.

Я перевела взгляд на него. Он сидел, подавшись вперёд, с таким выражением лица, будто уже прокручивал в голове сценарий разборки.

— Почему ты так думаешь?

— Она сохнет по Марку уже полгода, — Денис кивнул в сторону Марка, который стоял, скрестив руки на груди. — Подкатывала, дарила подарки, ждала после пар. А тут он... — Денис запнулся, подбирая слова, — ...занят. И не с ней. Она могла заметить. Или подслушать. Она вертится возле

универа постоянно, как шпион.

Марк выругался сквозь зубы. Коротко, зло, одним словом.

— Я разберусь.

— Нет, — я схватила его за руку, чувствуя под пальцами твердые мышцы предплечья. — Ничего не делай. Ты слышишь? Не привлекай внимания. Не говори с ней, не угрожай, не выясняй отношения. Мы должны быть осторожнее.

— Осторожнее? — переспросил он, и в его голосе зазвенел металл. — Ты предлагаешь нам перестать встречаться?

— Я предлагаю не светиться, — сказала я, повышая голос, чтобы перекрыть его агрессию. — Не приезжать всей толпой к моему подъезду. Не сидеть на первом ряду и не сверлить меня взглядами всю лекцию. Не оставлять засосов там, где их увидят. — Я перевела дыхание. — Мы стали слишком беспечными. Думали, что нас никто не заметит, если мы сами будем верить, что всё нормально. Но это не так. Кто-то уже заметил.

— А где мы будем встречаться? — спросил Денис. В его голосе не было агрессии, только тихая, спокойная озабоченность. Он всегда был самым рассудительным.

— Не знаю, — призналась я. — Но не у меня. Если за мной следят, то и за вами могут. Я не хочу, чтобы кто-то из вас попал под удар.

— Под удар? — усмехнулся Марк. — Я тебя умоляю. Декан скорее тебя уволит, чем нас тронет.

— Вот это меня и пугает больше всего, — ответила я.

Артём подошёл ближе. Он медленно снял бинты с рук, бросил их на скамейку, и подошел ко мне вплотную. Я чувствовала жар его тела, запах пота и металла от груши. Он взял моё лицо в ладони — грубо, но не больно, заставляя смотреть в глаза.

— Ты боишься? — спросил он. В его голосе не было насмешки, только констатация факта.

— Да, — призналась я. — Боюсь потерять работу. Боюсь, что мою карьеру уничтожат. Боюсь, что вас отчислят. Боюсь всего.

— Никто нас не отчислит, — усмехнулся Марк у меня за спиной. — Мои родители на содержание университета больше, чем весь бюджет города, выделяют. Декан скорее проглотит свой диплом, чем тронет нас.

— Это меня и пугает, — повторила я, глядя в глаза Артёму. — Меня уволят. А вы останетесь. И я останусь ни с чем.

Они переглянулись. Что-то пронеслось между ними — беззвучное, понятное только им. Телепатия, которую я давно заметила, но никогда не могла объяснить.

— Есть место, — сказал Артём, не отводя от меня взгляда. — У меня есть дом за городом. Родители там почти не бывают. Дом в лесу, соседей нет. Мы можем встречаться там. Спокойно. Без оглядки.

— Это безопасно?

— Абсолютно. Никто не узнает. Территория огорожена, камеры по периметру. — Он усмехнулся краем губ. — Отец

параноик, но сейчас это играет нам на руку.

Я колебалась секунду. Может, пять. Смотрела на них троих — на Марка, всё ещё злого, сжавшего челюсти, на Дениса, спокойного и рассудительного, на Артёма, чьи ладони всё ещё согревали мои щёки.

— Хорошо, — сказала я. — Сегодня?

— Сегодня, — подтвердил Марк, и его улыбка стала той самой — хищной, обещающей. — После пар. Жди нас у центрального входа, через двадцать минут.

Глава 11

Дом Артёма оказался огромным особняком в сосновом лесу. Два этажа из стекла и бетона, каминная труба, уходящая в небо, панорамные окна, отражающие вечернее солнце. И абсолютная, полная тишина вокруг — только ветер в кронах сосен да треск цикад.

Я шла по дорожке, выложенной натуральным камнем, и чувствовала себя Золушкой, которая внезапно попала в чужую сказку. Только мои принцы были не теми, кого показывают в диснеевских мультфильмах. Они были старше, опаснее, и их было трое.

— Красиво, — выдохнула я, когда мы вошли внутрь.

Высокие потолки, минимализм, запах дерева и дорогой мебели. В холле висела огромная картина — абстракция в серых и синих тонах. Всё zde

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.